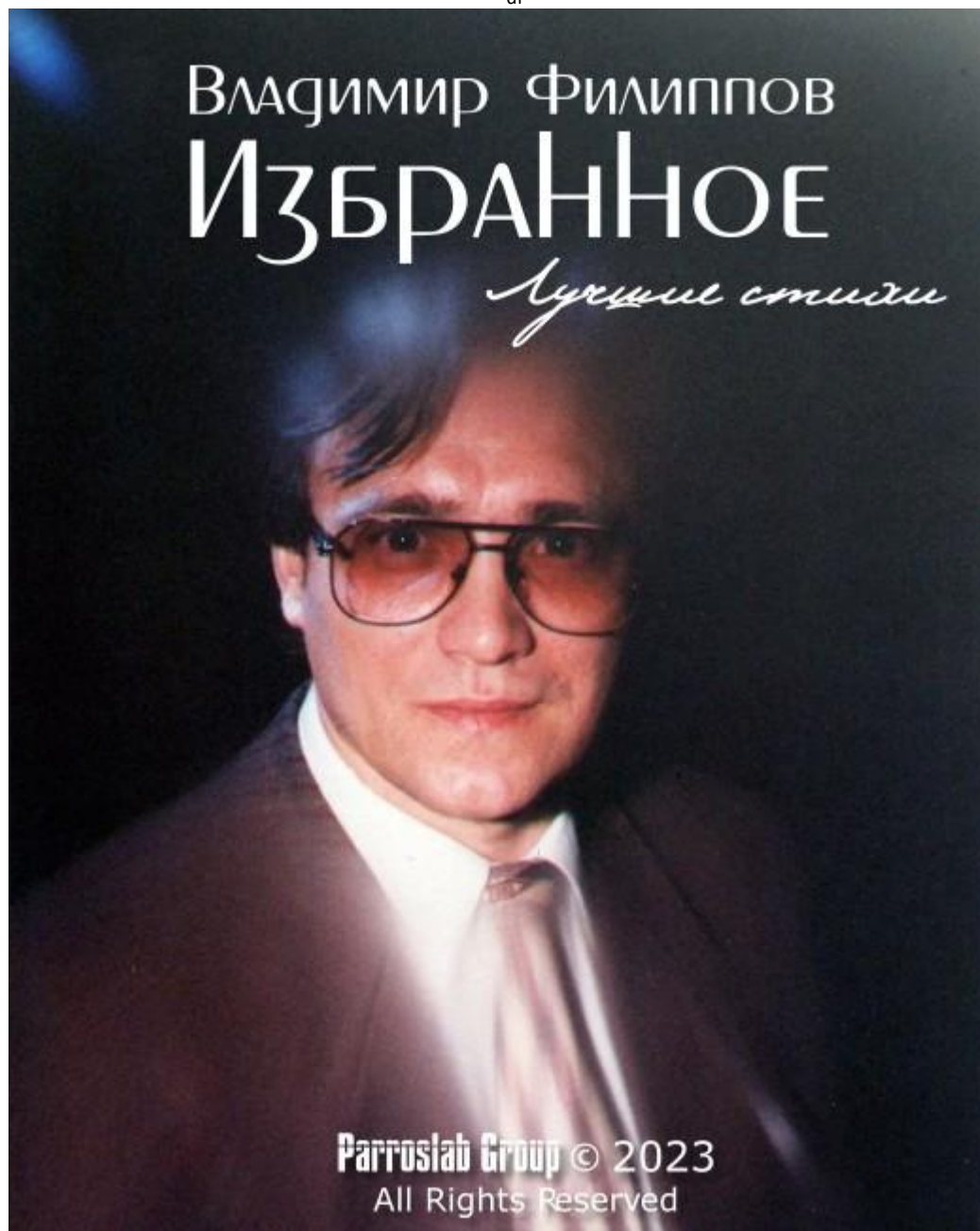

df

Пятое издание дополненное: 1836S9493TYA65HF-pdf.

ИЗБРАННОЕ
Лучшие стихи
Владимир Филиппов

Parroslab Group © 2023
All Rights Reserved

Автором фотографии для обложки является варшавский фотограф Лех Стоклоса (Lech Stokłosa)

Оглавление

И заиграли вальс гитары,	6
За слабость мимолётных чувств	6
Нити волос струятся	7
Радуга	8
Небо расколосось от удара,	9
Мчатся тройки, снег искрится,	9
Русалка	10
Я разлучаюсь сегодня с тобой	10
Я не прошу прощения,	11
Как-то вечером гитару взял...	12
Белые ночи	12
Я жду	14
Время отмеряет свой ход –	14
В любви не нужно громких фраз,	15
Получи на прощанье прощенье,	15
Берёзы...	16
Я не могу избавиться от тени,	16
Скажи мне, как спокойно спать,	17
Памяти Джона Леннона	17
Город Любви, Ленинград	18
Я захлебнулся горечью души...	20
Жизнь – отражение шахматной партии,	20
В моих раздумьях много тем...	21
Я шёл напролом, что деревья трещали,	21
Мир, такой, без прикрас,	22
Коварство, Подлость, Зло!	22
Трепет рук	23
Осеннее	23
Остаться в былой кристальности	24
Две даты...	25
Я добровольно ввергнулся в мир грёз,	26
Плата	26
Откликнись, отзовись,	27
Отрешённо листаю, забывшись, газету.	27
Жёлтый листок	28
Мы несёмся в стремнине реки,	29
Тьма	29
Старый дом	31
Последний шаг...	32
Магия ночи	32
Кончается лето	33
Прошедший день	34
Девочка моя...	35
Старец	36
Осень уносит увядший листок	37
Этот сон, не явь.	37
Дверь в никуда я отворяю,	39
Этот сумасшедший мир	40
Мы задыхаемся от склок	41
Я останусь в лугах...	42

Верь слову моему, и взгляду	42
Мне холодно	42
Слёзы похожи на дождь,	43
То не плач, не смех,	44
Я войду в тихий дом,	45
Родник	46
Ветер, не ветер, прерывистый смех,	47
Они придут...	48
Жизнь имеет смысл	50
Я, как загнанный волк	51
Танец	51
Уснувший парк	52
Колокол звонит	53
Прошлое – не обман,	55
Дай, милосердный Бог...	56
Я видел, знал и ждал прихода тёмной силы,	56
Видишь, скатилась звезда...	57
Ночь задует свечу ожидания,	58
Только шаг, и развернется пропасть,	58
День прощания мокрый от слёз,	59
Ветер, мой ласковый брат,	60
Возрадуйтесь, дети мои, я ночной пилигрим,	61
Сегодня день моего триумфа,	61
Богом оставленные, но не прокляты,	64
Налей мне горечи отверженную чашу,	64
Небо ждёт вдохновения – веруй!	65
Может быть, в ярком пламени	66
Ночь ласкает ожерелья плеч,	67
Только два слова, и боль до рассвета.	67
Вне времени, пространства, бытия,	69
В трепетном шёпоте звёзд	69
Ты, гость неожиданный мой,	70
Спит одинокий странник,	72
Был ветер и снег, запорошенный дом,	72
День закончился, стрёкот цикад,	73
Две линии горизонта,	74
Как только смыкаются веки	75
Остатки...	76
Последний раз приду...	77
Всего мне сказать не пришлось,	77
Свет!..	78
Кайся...	79
Розовый фламинго	79
Как много слов!..	80
Остановись, чтобы познать себя.	80
Оглянувшись, и не найдя себя,	81
Жизнь – судеб человеческих вертеп,	82
Не важно то, что разделяет нас,	83
Таёт снег...	83
Поверх золота	84
Кто позабыл о завтрашнем огне,	85
Дом пуст...	86

Не подноси бровей, нас выбрала судьба,	87
Посыпаем золою своё ненавистное сердце,	88
Христос воскрес!	89
Только ли нам заблуждаться?	89
Глоток вина	90
Магический расклад	91
Если снег занесёт перевал,	91
Вижу хищный оскал ненасытных клыков,	92
Не провоцируй узника свободой,	92
Мир сошёл с ума,	93
Миллениум	94
Слово за словом, строка за строкой	95
Ко мне возвратишься...	95
Спит душа	96
Промозглый ветер, и нелетний дождь,	96
Ганновер	97
Странное лето	97
Такая история	98
Я в девственных дебрях сомнений	100
Где-то ветер срывает листок,	101
Крылья мои устали,	101
Они слушают только себя,	102
Ночь	102
Господа, товарищи, граждане,	103
В вечности только одно неудобство,	104
Мне говорит душа – оставь сомненья,	104
Мы с тобой родились неспроста,	104
Шёпот ветром скользнул,	105
Ты позвонила...	106
Я дойду	106
Каждый стих...	107
Он не для наград	109
Один взгляд, и одно слово	110
Не программируйте пространства словом,	110
Не супермен	110
И этот день не кончится никак	111
Рыжеволосая зараза	112
Я курильщик со стажем	113
О, моя ласковая, о, моя несмелая!	113
- Ну, Вань, признайся мне, как на духу	114
Выхожу один я на дорогу	115
Мужик, давай сюда...	116
Аврал	117
Здоровье у меня на зависть всем соседям...	118
О, если б женщиной я стал!	119
Я жизнь красивую не в магазине спёр	120
Гамлет в кратком изложении	120
Мы живём все по дивным законам,	121
Мотылёк	121
Несовершенен мир –	122
Умирать погоди	122
Всё, ухожу...	123

Добро никогда не просит: «Сделай меня!»	123
Мистерия любви	124
Что за невидаль, Ангел?..	124
Высокий суд!	125
Снова я шагаю в пустоту,	126
Сибирь. Тайга и тундра. Суровый край.	126
Реквием любви	126
Бывает, боль заставляет скрипеть зубами.	127
Игнорируешь меня, дорогая?	127
Играет жизнь на нервах у меня.	128
Мир безлик	128
Велогонка	129
Мячик	130
Онлайн	130
Случилось...	132
Я поднимаю паруса...	132
Перед ней на коленях стою я,	133
Просыпаться в лугах мне нравится,	133

С творчеством поэта и композитора Владимира Филиппова можно познакомиться на персональном сайте - *Madimir Filipov*

*Да здравствуют стихи-неврозды,
Стихи-слезки, стихи-закозды!
Спасут как души от проказды
Стишки-грешки, стишки-заразды!*

Лучшие стихи Владимира Филиппова

* * *

И заиграли вальс гитары,
Как будто, всполохи пожаров,
Лучи прожекторов метнулись,
И в ритме вальса покачнулись.

Вальс, Вальс, старинный Вальс,
Вальс всех закружит нас,
Вальс, Вальс, старинный Вальс,
Вальс, Вальс, Вальс...

Круж́атся в вальсе все, смеются,
А у старушки слёзы льются,
Ведь вальс с солдатами в окопах
Прошёл почти что пол-Европы.

И не страшны ему столетья,
И войны не страшны, пожары,
Ведь это память человечья,
И плач старушки и гитары...

Замри, мой друг, над обелиском,
Пусть тихий вальс в тебе звучит.
И, голову склонивши низко,
Ты о погибших помолчи.

1974

* * *

За слабость мимолётных чувств
Прошу тебя, прости.
Не смог из сердца вырвать грусть,
Но сколько ни проси,
Назад я не вернусь.
Прости, что выплеснул себя,
Излился невпопад.
Прости, хотя, быть может, я
Совсем не виноват.
Летать в заоблачной дали,

Мечтать, и песни петь
С тобой мы вместе не могли.
Прости, но мне уже лететь,
А твой удел быть здесь...

1975

* * *

Нити волос струятся
на плечи, на девичью грудь,
Тебе уже девятнадцать,
и детства уже не вернуть.
Смотрю я, глазами глотая
до капли последней тебя,
А ты, словно облако, таешь,
в небесном безбрежье клубясь.
Растаяла... В небе прозрачном
растаяла. Но для меня
Ты вспыхнула в сердце горячем
звездой закатного дня.
Тебя я вернуть не желаю,
в мечте свои чувства гублю,
За это тебя презираю,
за это тебя и люблю.
За это безмерно тоскую,
казнюсь, и душою парю,
Твой образ в душе я целую,
за слабость, себя же корю.
И тут же ловлю я губами
изгибы припухлые уст,
В небесную синь под бровями
я, как очарованный, мчусь.
Но, если немного быть честным,
я чувствую снова себя
Невольником дивы небесной,
я снова в плену у тебя.
Мечту, словно жизнь, покидаю,

ты кара навеки моя.
И оттого я страдаю,
и радуюсь этому я.
Растаяла... Только память
рисует мне образ твой.
И за моими стихами
увидит тебя и слепой.
Ведь, в памяти перебирая,
я знаю, что, всё же, не зря,
Люблю я, и презираю,
страдаю, и радуюсь я.
1977

Радуга

Не смотри безучастно,
Дождь почти перестал,
Над речушкою властно
Мост сияющий встал.
Не телеге опора,
Не подпорка ногам,
То услада для взора –
РА-ДУ-ГА!

В яркий колор одета
Эта странница света,
Смотрит, чуть свысока,
РА! РА-ДУ! ДУГА!

Ты, родная, не сетуй
Пряча в сердце восторг,
Дарит радости лета
Пламенеющий взор.
И коней непокорных
Ты уздой запряги.
Видишь, взгляд непритворный
РА-ДУ-ГИ!?

1978

* * *

Небо расколосось от удара,
Слух надрывной песнею сверля,
И запылилась, задрожала,
Вздыбилась натуженно земля.

В непонятно-сероватой массе
Всё смешалось в копоты огня:
Кровь, и человеческое мясо,
И кусочек самого меня...

Что с того, что я родился позже?
Что с того, что позади война?
На Смоленщине, в Литве и Польше
До сих пор земля обогрета.

Что с того, что пеплом опалённый,
Смешан с той землёй совсем не я?
До сих пор ночами плачут клёны,
И рыдает до сих пор душа моя.

1978

* * *

Мчатся тройки, снег искрится,
Смех и радость, и печаль –
Проводы зимы-сестрицы...
Мне её немного жаль.
Пирогам и блинами,
Вслед за песнею стихами
Будем зимушку венчать,
И Сударыней почтенной
Всенародно величать.
День сегодня просто чудный,
Снег на улицах парит,
На площадках детских людно,
Парк для всех в тот день открыт.
Позабавимся снежками,
Сбросив пару лет сплеча,
И попробуем с друзьями
Вкуснотищу-калача.

На коньках мы лед чертили,
И на лыжах мяли снег.
Что ж, зиму мы проводили!
Тройки замедляют бег...

1979

Русалка

Над озером пустынным
Склонила лик Луна,
Русалкою игривой
Любуется она.
Распущенные волосы,
Полуразвратный взгляд,
На крик её призывный
Вновь рыбаки летят...
И, наигравшись вволю,
Русалка загрустит.
Избранник очарованный
В подводном царстве спит.
Всё также, одинокая,
Она скользнёт на дно.
И лишь воспоминание
Останется одно.

1979

Я разлучаюсь сегодня с тобой

Будто нырнуло вдруг вниз головой
Солнце в безбрежно-бурлящее море.
Ринулись к берегу шумной гурьбой
Волны в своём бесноватом задоре.

В раскинувший крылья багровый закат
Вонзился прощальный зелёный луч.
И, небо охватывая, следом летят
Свинцовые лапы косматых туч.

Размазанный манит меня горизонт,
Что там ожидает, пока я не знаю.
Быть может, подхватит мой парус муссон,

И вдаль понесёт, заглушив крики чаек.
Шум несмолкаемый, рвётся прибой
В небо раскаленное непогодой.
Я разлучаюсь сегодня с тобой,
Не навсегда, но на долгие годы...

1979

* * *

Я не прошу прощения,
Нет большей ерунды.
Да, было увлечение,
Растаяло, как дым.
Всё, что случилось –
К лучшему,
Родная, не грусти.
Я не прошу прощения,
Но ты меня прости.

Я не прошу прощения,
Свершённого – не жаль.
Не скроет мук навеянных
Прошедшего вуаль.
Всё, что случилось –
К лучшему,
Родная, не грусти.
Я не прошу прощения,
Но ты меня прости!

Я не прошу прощения,
Но сердце не томи.
Судьбы хитросплетение
Ты без хулы прими.
Всё, что случилось –
К лучшему,
Родная, не грусти.
Я не прошу прощения,
Но ты меня прости!

1979

Как-то вечером гитару взял...

Как-то вечером гитару взял, взгрустнулось,
И рука случайно струн тугих коснулась,
Вдруг душа от боли застонала,
Вспомнил вдруг, что помнила гитара.

Вспомнил дым давно утихнувших сражений,
Радость от Победы, горечь поражений...
И сквозили будто в тихом переборе
Слёзы от бывшего, от радости и горя.

Вспомнила гитара песни лет военных,
Пыльные дороги от Москвы до Вены,
О задорном парне с грустью рассказала,
Как, сражённый пулей, на траву упал он.

Вскрикнула гитара, захлебнувшись песней,
Что не смог докончить парень с Красной Пресни...
Мать родную, землю, обхватив руками,
Он застыл навеки, обратившись в камень.

Пусть гитара плачет, пусть о нём горюет,
За него сегодня песню допою я.
В комнате притихшей, еле струн касаясь,
Мы с гитарой вместе о прошлом вспоминаем.

1980

Белые ночи

Эта ночь, как день,
Блики на воде.
Эта ночь, как день,
Повсюду и нигде...

Белая, как будто бы не ночь.
Но никто не может мне помочь
В чередѣ потерянных зевак
Вдруг заметить свой заветный знак,
Знамение... К сожалению,
Скрыт во мгле знакомый силуэт,
И в прошлое, увы, возврата нет.

Эта ночь, как день,
Блики на воде.
Эта ночь, как день,
Повсюду и нигде...

И опять брожу я сам с собой,
В городе над сонною Невой.
Грусть моя хронически пуста,
А судьба читается с листа,
Измятая... В заплатках вся.
В замызганном забыта кабаре,
Где нудит гитарное баррэ.

Не войти, душа моя, тебе,
В опустевший от разлуки дом.
Значит, пусть любовь,
Гори она огнём,
Навсегда останется в былом.

Эта ночь, как день,
Блики на воде.
Эта ночь, как день,
Повсюду и нигде...

Как бы ни стараться не уснуть,
По Судьбе секирой полоснув.
Ослепила эта ночь меня
Всполохом палящего огня,
И, как в бреду, я вновь бреду,
А вместо звёзд мерцают мне вослед
Блики не потухших сигарет.

Не войти, душа моя, тебе
В опустевший от разлуки дом.
Значит, пусть любовь,
Гори она огнём,
Навсегда останется в былом.

Эта ночь, как день,
Блики на воде.
Эта ночь, как день,
Повсюду и нигде...

Освещает невские мосты,
Разведённые, как я и ты...

1980

Я жду

Я жду. Заветного пугаюсь,
Нежданного принять боюсь.
В догадках я своих теряюсь,
С решением не тороплюсь.
Живу, дышу и упиваюсь
Своею призрачной мечтой.
Услышать музыку пытаюсь
За безграничную чертой.
Я жду к мелодии причастья,
Но не хочу растаять в ней.
И свою душу рву на части,
Загнав три тысячи коней.
Я жду, опутав недоверьем
Свою нелёгкую судьбу.
И с крыльев опадают перья –
Святым быть больше не могу.

1980

* * *

Время отмеряет свой ход –
Каждому своё.
И большего оно
Никому не даёт.
Безжалостным шагом
Идёт и идёт.
Кто держится – живёт!
Ну, а кто отстаёт?..
Коль молод ты –
Полон ты жизненных сил,
Ну, а если ты в старость уже угодил?
Время рвёт и бросает,
И, просто берёт.
Мы не боги,

И каждый из нас устаёт,
В этой гонке без финиша
Время не ждёт.

1981

* * *

В любви не нужно громких фраз,
Не нужно красноречия.
Всё скажет блеск влюблённых глаз,
Вдруг вспыхнувших при встрече.
И не мечтаю ни о чём,
В глаза твои смотрел бы,
И музыка текла б ручьём,
И возносилась к небу.
Словами чувств не заменить,
К чему пустые фразы?
Ты лучше на меня взгляни,
И всё увидишь сразу.
Молчи, любимая, молчи,
Не нужно слов напрасных.
Пусть лучше музыка звучит
Во взглядах наших страстных.
В любви не нужно громких фраз,
Не нужно красноречия.
Всё скажет блеск влюблённых глаз,
Вдруг вспыхнувших при встрече.

1982

* * *

Получи на прощанье прощенье,
Мы с тобою огонь и вода.
Это лучше гораздо, чем тленье,
Только в жарком пылу испугленья
Этот пыл остывал иногда.
Потому, что две разных стихии
Не умеют друг друга понять,
Даже если все чувства остыли,
В этом загнанном призрачном мире

Не к лицу своих чувств проклинать.
Наша встреча – как медленный танец,
Вместо музыки звон кастаньет.
Только в лету прошедшее канет,
И мелькнёт на потухшем экране
Твой задумчивый силуэт.
Получи на прощанье прощенье,
И, конечно, прости и меня.
Будем помнить прощанья мгновенья,
Ритм взволнованный сердцебиенья,
Горечь, слёзы, и боль того дня.

1982

* * *

Берёзы...
Ты слышишь, как в роще берёзы звенят?
О чём-то своём меж собой говорят.
Ты вслушайся, вникни, к корням просочись,
Живительной влагой для них обратись.
Пусть выпьют тебя...
По стволам потечёшь,
И сам ощутишь мимолётную дрожь
От лёгкого вздоха забытых полей,
Услышишь, как в роще поёт соловей,
Как звонко смеётся весёлый родник,
И, как собираются в месяцы дни...
Природа...
Ты слышишь её недоверчивый вздох?
От этого вздоха я чуть не оглох!

1982

* * *

Я не могу избавиться от тени,
За мной повсюду шлындает она.
Пытаюсь убежать я, тем не менее,
Она по-прежнему со мной, и мне верна.

Я в тень свою стрелял из пистолета,
И, убегая, загонял коней.

Но вот, чем ближе приближался к свету,
Тень становилась чётче и плотней.

Возможно, зря от тени убегаю,
И тень пусть негатив мой заберёт.
А я в себе неверье растерзаю,
И дух свободный вера вознесёт.

1982

* * *

Скажи мне, как спокойно спать,
Укрывшись сонной тишиной?
Не в силах сердцем я принять
Ночной, безоблачный покой...
Скажи, как быть самим собой,
Когда не в радость дом родной,
Где в хладном царстве хрусталя
Стою один перед стеной,
Бетон глазницами сверля.
Не прошибить её плечом,
Ей кровь из сердца нипочём.
Стою пред нею чуть дыша,
В свои сомненья облачён,
И кровоточится душа...
Я сердцем не могу принять
Ночной безоблачный покой,
И тихо сонная кровать
Всю ночь бормочет подо мной.

1983

Памяти Джона Леннона

Гении рождаются нечасто,
И к ним относиться б бережно,
А их разрывают на части
Восторги толпы неумеренной.
Они под обстрелом фото-
И кинокорреспондентов,
За ними идёт охота
Секретных служб и агентов.

Покоя им нет от поклонников,
Какая уж тут идиллия.
Найдётся среди паломников
Кто-нибудь с жаждой насилия...
Вдруг врубятся в камень истории
Пять выстрелов из пистолета,
И, вмиг почернев от горя,
За гробом пойдёт планета...

Не вырваться мне из плена
Навязчивых сновидений,
Как гибнет в Нью-Йорке Леннон,
Отрицающий преступление,
Насилие отвергающий,
Мечтающий об идиллии...
Он в мире, страстями пылающем,
Сам жертвою пал насилия.
И все мы, пока что, везучие,
Помянем его творчество,
Ведь, песни его живучие,
Живучи его пророчества.
И змеем ползёт сомнение,
Слухами подогретое.
А, тот ли убийца гения,
Кто выстрелил из пистолета?..

Признаюсь, душа заплакана.
Что нужно от нас изуверам?
Мы все, как один, над плахами,
Поём, протестуем, веруем...

1983

Город Любви, Ленинград

Снова выпренный слог,
И загадочный взгляд.
Возвращаюсь я к Вам,
Милый мой Ленинград.
Город сотни мостов,
И белёсых ночей,

Город вечной Любви,
И горячих очей.

Город Любви, Ленинград,
Город Любви...

Город вечной Любви,
Город стройных колонн.
Как же рад, что вернулся я
К Вам на поклон.
Снова буду бродить
Над вечерней Невой,
Медный Всадник качнёт
Мне вослед головой.

Город Любви, Ленинград,
Город Любви...

Буду мерить шагами
Ваш Невский проспект.
Тот, который поэтами
Страстно воспет.
У сырых парпетов
Свинцовой Невы,
Милый город, я к Вам
Обращаюсь на Вы.

Город Любви, Ленинград,
Город Любви...

В Вас, мой город, заложен
Величия знак –
В переулках, проспектах,
Дворцах и мостах.
В вас и роскошь, и траур,
И слава, и грусть,
И Божественный дух,
И Европа, и Русь.

Город Любви, Ленинград,
Город Любви...

* * *

Я захлебнулся горечью души...
Что мне мелодия несбывшегося вальса?
Лишь пепел от любви моей остался,
И боль такая, что ничем не заглушить.

Постой, певец! Душа твоя пуста,
Как зал, в котором тщетно надрываться,
Но от себя бессмысленно скрываться,
Молчать, сомкнув застывшие уста.
В самом себе замкнуться не спеши,
Безумство мысли обращая в камень,
О том, что не сумел сказать словами,
Быть может, скажут клавиши души.
И, как бы невзначай, заполнят зал,
Те, кто спешил решать свои проблемы.
Ведь искренность – надёжнейший причал,
К которому стремимся все мы.
Счастливый час, когда царит душа,
Порхая птицей над притихшим залом,
Где сотни лиц застыли, не дыша,
Взирая, за твоим, певец, финалом...

Был полон зал, и, мигом, опустел,
Погасли свечи, фонари и люстры.
И, выплеснув затисканные чувства,
Я ко всему на свете охладел...

1985

* * *

Жизнь – отражение шахматной партии,
Игра, не клавиш на четыре руки.
В горниле решений куются характеры,
В сраженьях растут Игроки.
Каждый слагает свои комбинации,
Не в силах предвидеть итог,
И кто-то, возможно, заслужит оvationи,
Кого-то постигнет злой рок.

Дебютные промахи дорого платятся,

Больней нет ошибок в начале пути.
И если в дебюте игра не заладится,
То будет непросто её вам спасти.
Пусть каждый из вас оглядится внимательно,
Какое начало он в жизни избрал.
Ведь тот, кто в дебюте пожертвует качество,
Пусть знает, что партию он проиграл.

Жизнь – отражение шахматной партии,
Игра, не клавиш на четыре руки.
В горниле решений куются характеры,
В сраженьях растут Игроки.

1985

* * *

В моих раздумьях много тем...
Коснусь одной всерьёз:
Быть, иль не быть –
Не в том вопрос,
А быть **каким**, и **с кем!**
В заботах гонор позабыть,
И зависть превозмочь, –
Врага простить и возлюбить,
Отбросив злобу прочь.
Не спорить с ним до хрипоты,
Не проклинать, не осуждать.
Любить, надеяться и ждать
Прихода Царствия Мечты.
Ну, а для тех, кто верит в Свет,
Невыполнимого в том нет!

1986

* * *

Я шёл напролом, что деревья трещали,
Я шёл, хоть, идти мне туда запрещали.
И просекой след мой тянулся за мною,
А лес всё стоял неприступной стеною,
На части надежду мою разбивая.

Дойду ли до цели? Дойду ли? – Не знаю!
Не знаю, дойду ли, но твёрдо я верю,
Что нужно идти напролом к своей цели!

1986

* * *

Мир, такой, без прикрас,
Где живём только раз.
Не умеем беречь,
Не умеем хранить,
Бескорыстно не можем
Прощать и любить.
Клеветою опутан,
Потоками лжи,
Этот мир от себя
Самого убежит.
Если верить не будем
В добро и любовь,
Нас постигнет безлюдье
Опустевших миров.

1986

Коварство, Подлость, Зло!

Упасть с бездонной высоты,
И не сломать крыло.
Такое можешь только ты –
Коварство, Подлость, Зло!
Упасть, и снова воцарить,
Как только рассвело.
Тебе дано свой суд вершить –
Коварство, Подлость, Зло!

Приду, тоску преодолев,
В свой час я на погост,
Чтоб Ангел Смерти, песню спев,
Меня с собой унёс...

1987

Трепет рук

Трепет рук твоих говорит без слов,
И глаза горят, как костёр.
В них и страсти пыл, и сама любовь,
И желание, и укор.
Как избавиться от судьбы такой,
Вроде, по уши мы влюблены.
Только ты – с другим, ну а я – с другой,
И внимательны мы и нежны.

Вроде, надо бы взять решительно,
И судьбу свою переписать.
Только связаны все мы нитями,
И от этого не убежать.

Дорогая ты моя женщина,
Помаши на прощанье рукой.
Мы с тобою разлукой повенчаны,
И надежды, увы, никакой.

Трепет рук твоих говорит без слов,
И глаза горят, как костёр.
В них и страсти пыл, и сама любовь,
И желание, и укор.

1987

Осеннее

В твоих объятьях задыхаясь,
Я исповедуюсь, не каюсь.
Пусть катим в смех,
Да, совесть – снег,
Что выше всяческих потех.

То, что случилось, вымучено
В каком-то бредовом припадке.
Ревностью булыжной вымощено,
И выпито без остатка.
Думами в наст укатано,
Напоено горем в умат оно,
Словами растерзано дерзкими,

Запретов задавлено дверками.
Мы, словно, в бракованном зеркале,
Поступки свои исковеркали.
Что тут решать? – Всё решено
Тобой и мной давным-давно.
Ты и я – тень одна,
Но меж нами растёт стена.
И в недоумении не води плечами,
Это не прощение – прощание.
Мы пока вдвоём, но надолго ли?
Завертело нас кривотолками.
Это всё не блажь, не затмение,
Просто, может быть, – осеннее...
Я в твоих объятьях задыхаюсь,
Не вернуть хочу, прощаюсь.
Помолчи, любимая, не спеши с речами,
Это не от гордости, – от отчаянья...

1987

Остаться в былой кристальности

Двигается шкала,
Изменяется содержание.
Рухнувшая вдруг скала
Погребёт под обломками чаяний
Кем-то ревностно оберегаемое,
Всё запретное, недостижимое,
Недоступное даже желанью,
Но, вопреки, – желанное.
Всё покроется лёгкой тканью,
Не забвения – забывания,
И при этом, мечта моя
(Не рукоплещите банальности),
Погрести под обломки себя,
Чтоб остаться в былой кристальности.

1988

Две даты...

Да, мой друг, я здесь...
Да, мой друг, я здесь,
Где две даты мои
Ты сможешь прочесть...
Да, мой друг, я здесь...
Между датами этими целая жизнь,
Пусть недолгая, только успелось пожить.
Да, мой друг, я здесь...
Приходи, посидим...
Здесь я один.
И без слов мы друг другу в глаза поглядим.
Да, мой друг, я здесь...
Я здесь.
Обо многом с тобой помолчим,
Что – речь?
Лицемерия кирпичи
Снимем с плеч...
Да, мой друг, я здесь...
Я – здесь.
Через время летящая мысль.
В этом горькая правда, и смысл.
Мой крест –
Да, мой друг, я здесь.
Я – здесь...
Постарайся, мой друг,
В моём взгляде понять,
Что словами при жизни
Не смог я сказать.
Впрочем, нет...
Не хотел.
Что, слова?
Где граница меж правдой и ложью?
Разграничить того невозможно.
Знаю только, что без разговора
Верить можно безмолвному взору.
Да, мой друг, я здесь...
Я – здесь...

Да, я тут,
Но даты врут.
Мои мысли живут.
А даты врут.
Между ними мы брренное тело влачим,
А потом приговор нам выносят врачи.
Но даты врут.
Оболочка – пустая,
Не стоит страдать.
В мыслях наше бессмертье –
Приходи помолчать...

1988

* * *

Я добровольно ввергнулся в мир грёз,
Так проще: чёрно-белая картина,
Согретая теплом остывшего камина,
Вдруг голубеет – и ни лжи, ни горя, и ни слёз.
Какая благодать – всё в искажённом свете.
Каков оскал! – Прошу прощения, улыбка!
Здесь всё непрочно, ненадёжно, хлипко,
Как в траурном, (по ком?) кабриолете.

1988

Плата

Мне бы твой взгляд, слово,
Губ прикосновенье,
Мне бы тебе снова
Горячим лицом в колени.
Мне бы, упав замертво,
Очнуться в горячих объятьях.
Мне бы начать всё заново,
Но это... не в нашей власти.
Менять что-то слишком поздно,
Мы в разных живём средах.
Всем сердцем я рвусь к звёздам,
Тебе это кажется бредом.

Наваливается на плечи
Проклятье бывшего плена.
Что толку от нашей встречи? –
Я – пламя, а ты – пена...

Обрушилась многотонно
За наше безумство плата.
Свершённого беззаконья
Разверзся бездонный кратер.
И взглядом своим страстным
Читаю в глазах заката –
Шита по чёрному красным
Несбывшегося заплата.

1988

* * *

Откликнись, отзовись,
Приходит час рассвета.
Я заструю ручьём,
Туманом разольюсь.
Скажи, где прячет ночь
Очарованье лета?
Я отыщу его,
И допьяна напьюсь.

Откликнись, отзовись...
Согрей меня дыханьем.
Я в шёпоте ветвей
Порхаю мотыльком.
Скажи, где прячет день
Свою былую тайну?
Я отыщу её,
Чтоб окунуться в ней.

1988

* * *

Отрешённо листаю, забывшись, газету.
Для чего мне газетные факты?
Пишут, как поживают на всём белом свете,
Только нет там ни строчки – как ты.

Хоть бы глазом одним, да, в сырую купель,
Разорвав на клочки одежду.

Не за тридевять прячешься, знаю, земель,
А живёшь, где жила, как прежде...

Я застыл у магических цифр в плену,
Только я ли тому виною?
Что люблю, как ни странно, тебя одну,
Ну, а ты не всегда со мною.

1988

Жёлтый листок

Наш двор ухожен, и в меру чист,
Порою, может быть, излишне.
На древе жизни я только лист,
Но знаю жизнь не понаслышке.
Да, я всего лишь жёлтый листок.
Для дерева – экая малость.
Пусть жизненный срок мой ещё не истёк,
Но мне не так много осталось.
Истрёпан ветром, полит дождём,
За ветку крепко я цепляюсь,
Мы все чего-то напрасно ждём,
Пока нас не настигнет старость...
Порывом ветра подхватит меня –
Жёлтый, отживший листок.
В последний путь понесёт стремглав,
В воздушный втянув поток.
Промчит над шатром бледно-розовых крыш,
Переплетений антенн.
Бросит на сгусток заплаток-афиш,
На жёсткий булыжник стен.
На мокрый асфальт полечу кувырком,
Чтоб пасть среди листьев-друзей.
Раздавит подкованным каблуком
Какой-нибудь ротозей...
Я многое видел, плодя кислород,
Пусть мне затеняли взор.

Но вот я упал от осенних невзгод,
И дворник сметает сор...

1988

* * *

Мы несёмся в стремнине реки,
Раздирая на клочья слова.
До тебя расстоянье руки,
Но я чувствую, как ты права,
Что мы, как никогда, далеки.

Отдаюсь на поруки судьбы,
Я тисками стихии зажат.
Знаю, буду тобою забыт,
Но уже нет стремленья назад
В этот благоустроенный быт.

Я обрушусь в ревущий поток,
Обрывая сплетения жил.
Моё тело, как павший листок,
И, как будто бы вовсе не жил,
А читался, и то между строк.

Ты не верь, что о камни разбит,
Я нашёл где-то в роще уют.
Ты не верь, что душа моя спит –
Я уехал... Да-да, я уехал в Бейрут,
Иль, куда там ещё? Да, хотя бы на Крит.

Я уехал, а ты про меня позабуди,
Без оглядки живи на былое.
Ведь бывшего назад не вернуть.
Будь здорова! Живи запоем!

1988

Тьма

Имя твоё – Тьма,
Не копай в словаре аллегорий.
Твоё имя – это ты сама,
В прошлом радость, сейчас горе.

Наши тропы позамело,
Не ищи уголка уютного,
Всюду встретит тебя зло,
Всюду вьюга бушует лютая.

Расплываются в снежном облаке
Пятна глаз, и волос сплетение.
Как по темени бьют обухом
Твоих лживых слов полутени.

Тьма безглаза иль я ослеп.
Чем грозит нам игра такая?
Замурован в тяжёлый склеп,
Я вслепую со злом играю.

Но наставник мой слишком зряч.
Он - хранитель благополучия.
Он для зла и судья, и палач,
Всепрощающий зов, при случае.

Мой наставник меня хранит
От поступков, порой необдуманных.
Но в груди моей не гранит.
Бьётся сердце, при том безумное.

Что советы мне? Им вопреки
Я плыву поперёк течения
Этой бурной и злой реки,
Что несёт за собой мучения.

Я вгрызаюсь зубами в тьму,
Разрываю холсты одежные,
Разгребаю завалы мук,
И ломаю запоры надёжные.

У тебя до меня интерес,
А до зла заинтересованность.
Я в чужие ворота влез,
Обессилев в борьбе с засовами...

Я пытался постигнуть тьму,
За эскизом эскиз набрасывал.
Но на холст, вопреки всему,
Лился колор заката красного.

Этот синтез тебя и пламени
Полыхает зловещим знаменем.
Я смотрю, округлив глаза,
На бесплотные тени зла.

В этой партии сложный конец.
Мощный смерч лепит кто-то невидимый.
Руша связь годовых колец,
Он готовит концовку, видимо.

Нужно вовремя отойти,
Вымыть кисти, палитру вытереть.
Ничего не дано мне выправить,
Мне игру не дано спасти.

1988

Старый дом

Душа, отогретая светом ночного камина,
Скользнёт в забытьи на остывшую, было, кровать,
Устало вздохнёт о своём из угла пианино.
Пожалуй, ему есть о многом о чём повздыхать.

За долгую жизнь оно верно Музыке служило,
Заботливых рук каждый день ощущало тепло.
Но чья-то чужая рука властно крышку закрыла,
И время Музыки на долгие годы ушло.

Насупился двор, скособочилась мокрая крыша,
Дубовая дверь на задумчивый ветер ворчит.
Печная труба словно дворник простуженный дышит,
И кашляет, сажу втянув из остывшей печи.

Чужие подмётки траву перед домом примяли,
Колодец заплёван, ворота с петель сорвались.
Вернувшись домой, Вы едва ли б свой дворик узнали,
Но Ваши глаза заморочены лоском столиц.

Вы мерите вёрсты, и Вам до былого нет дела,
Забыта Музыка, и клетка с певучим дроздом,
Забыта собака, что верно служба околела,
Забыт позаброшенный тихий родительский дом.

Но гордость отбросьте, быть может, когда-то придётся
Воротам проржавленным скрипом приветствовать Вас.
Прошу, никогда не мутите родного колодца,
Оно пригодится Вам, верю, ещё я не раз.

Душа, отогретая светом ночного камина,
Скользнёт в забытии на остывшую, было, кровать,
Устало вздохнёт о своём из угла пианино.
Пожалуй, ему есть о многом о чём повздыхать.

1989

Последний шаг...

Нам с тобою тесно на Земле,
Ты мой враг, причём, непримиримый.
Я в руке сжимаю пистолет,
Счёт пошёл... Судьба неумолима.

Темнота сгустившейся прохлады
Сковывает дрожью мышцы ног.
И к барьеру шаг последний надо
Сделать, и нажать тугой курок.

Ближе, ближе, чётче аксельбанты,
Более сблизаться нет нужды.
Затаив дыханье, секунданты
Ждут развязки вспыхнувшей вражды...

Вздрогнут на пределе чьи-то нервы,
В этой стылой загустевшей мгле.
Будет для кого-то шаг, наверное,
Тем, последним шагом по Земле...

1989

Магия ночи

Мой час – час для развлечения.
Магия мышления замри!
Пусть твоя душа незримой тенью
Промелькнёт над всполохом зари.
Пусть твоя душа во тьме белёсой

Обретёт свою живую плоть.
Пусть так будет, как душа попросит
В эту заколдованую ночь.

Мне не нужно от тебя признаний,
Обещаний слушать не хочу,
Мучить разговорами не стану,
Магии молчанья научу.

Пусть за нас поёт само молчанье,
Обрывая струны голосам.
Превратимся мы в молчанье сами,
Сердце к сердцу, и глаза к глазам.

Выплеснулись ночью чары без остатка.
Ухватить пытаюсь тени след.
Снова я один строчу заплатки
На судьбы потрёпанный жилет.

1992

Кончается лето

Хочется опять, как много лет назад,
Друзей своих собрать в свой сад.
Чтоб было много роз, улыбок и вина,
И россыпь ярких звёзд, чтоб осушить до дна.

И выпустить в небо флюиды любви.
Пусть их собирают всю ночь соловьи.
Всю ночь до рассвета, возможно ли это?
Возможно...
Кончается лето... Увы!

Но снова, как вчера, разносится мой клич.
Пришла для нас пора свой путь постичь.
Устроим шумный пир мы на исходе дня.
И будем говорить, стаканами звеня.

И выпустим в небо флюиды любви.
Пусть их собирают всю ночь соловьи.
Всю ночь до рассвета, возможно ли это?
Возможно...

Кончается лето... Увы!

1992

Прошедший день

Прошедший день был мрачным и холодным,
Стучался в окна надоевший дождь
А я слонялся призраком бесплотным,
С берёз срывая листьяв позолоту,
Чтоб с ними окунуться в дрожь.
Чтобы, забывшись, в дрёму погрузиться,
Сорваться в пропасть, оступиться в крик,
В твой дом войти, не скрипнув половицей,
Чтоб трепетом разбавить краткий миг.

Быть может, было б тщетно рваться к свету,
Листвой пожухлой под ноги стелясь,
Но в памяти ещё бушует лето,
И сердце ускоряет бег при этом,
Взорваться в гонке бешеной грозясь.
И в забытьё немом теряю почву
Под робким всхлипом ослабевших ног,
И, словно бы нежданно обесточен,
Я погружаюсь в бреда липкий смог.

Где в пропасти забвенья задыхаясь,
Я в судорогах к истине тянусь,
Но, так и не добравшись, вниз срываюсь,
И бьюсь о страх, змеёю извиваясь,
Чтоб сбросить с сердца недоверья груз.
Остаток вечера пройдёт в оцепененье,
Когда в свой тихий дом я возвращусь,
Вкушая мимолётный миг влеченья,
В искусанном изгибе скорбных уст.

Ещё не кончен бал в мансардах бреда,
И в окнах странных масок карнавал.
А я брожу от тёмно-фиолета,
К багровости забытого рассвета,
Куда меня никто, увы, не звал.

1994

Девочка моя...

Девочка моя, милая,
Не будь настолько мудрой,
Чтобы затмить саму мудрость.
Расслабься, откройся, и будь...
Свет истины сам найдёт русло.
Будь с ним! Вдыхай это утро.
Радуйся, если вернулось.
Радуйся, если вернулась
В лоно любви всеобъемлющей.
Следующий
Рассвет будет завтра,
Не пропусти и его.
Девочка моя, милая,
Как ты сейчас далеко,
Не в расстоянье, во времени.
Как ты сейчас далека,
В былом потеряв надежду.
Но это дорога правды.
Не осуждаю,
Но принимаю, как есть.
Значит, так надо,
Ждал, и ещё подожду.
И, возможно, не в этой жизни,
Но непременно дождусь
Милости... А, впрочем,
К чему привязываться
К своим капризам?
Живи, если жив,
Пусть будет всё так, как есть.
Ведь, ты для чего-то призван
На эту планету.
Жди, и благая весть
Тебе принесёт избавление
От слепоты самомнения.
И пусть омывают дожди
Знамения...
Девочка моя, милая,

Прости!
Слышишь голос грядущего?
Это, пожалуй, за мной.
Не забывай... А, впрочем,
К чему нам многоточия?
Пусть ветер порвёт в клочья
В былое билет проездной.

1995

Старец

Не узнал я себя
В одиноком оборваном старце,
Обречённо бредущем
По руслу иссохшей реки.
Не узнал я своих
Искорёженных временем пальцев,
Не узнал и сжимающей посох
Израченной в битвах руки.
Где мой огненный взгляд,
Где былая тигриная поступь?
Где орлиный размах
Ныне спину сгибающих крыл?
Голова неприкрытая,
Разве что только коростой,
Опадает на впалую грудь
На пределе потраченных сил...
Сердце больше не молот,
Что бил, словно, по наковальне.
Пожелтевшая кожа не дышит,
Как прежде, в присвист.
И усталость на грешную Землю
Тень старца сражённого валит,
Закрывая последний
Прочитанный жизненный лист...
О, мой образ грядущий,
Воспрянь из глухого безмолвья,
Парус клетки грудной

Ветром дерзости вновь напои.
И в последнем порыве пройди
Все трясины тягучие из многословья.
И на звёздной дороге себя,
Как Икара спали!

1995

* * *

Осень уносит увядший листок,
Золотом в просинь, с кручи в отрог.
Плачет дождём посеребренный свод,
Густо замазав поблекший восход.
Осень уносит увядший листок,
Милая осень, как я одинок.
Стою, и не смею идти, оглушён,
Как будто всё кончено, день позади,
Но снова, как маятник, сердце в груди,
И болью утраты опустошён.
Ветер-попутчик протяжно вздохнёт,
Дыханием листья с деревьев спашнёт.
Время забыться, и в шорох нырнуть,
Время опять отправляться мне в путь,
Где снова закаты, и ночи навздожь,
Где в праведном царствует скрытая ложь,
Где острые зубы, и когти в чести,
Но, впрочем, мне с мерзостью не по пути.
Уйду, где меня никому не найти,
Где чистую совесть нельзя замутить.
Там ясное небо, и светлые дни,
Если сможешь понять, не кори, не вини.
Буду снова, как проклятый, мёрзнуть в тиши,
Где кроме меня больше нет ни души...

1995

* * *

Этот сон, не явь.
Больше, может, вскрик.

Он, как негр, курчав,
Но безлик.
Мне бы пить до дна
Горького вина,
Только, еле встав,
Я барьер воздвиг
Между сном моим,
И реальностью,
Был неумолим
Сон фатальностью.
Я в рассвет, как в снег,
И в росу, как в дождь.
Но спасенья нет –
Сон на страсть похож.
И бросает в дрожь
От предчувствия,
В сердце целит нож
Снобезумствия.
Гибну я в тоске
Ожидания,
И топлю в песке
Свои знания.
Мой любезный друг,
Не спеши в сумбур.
Слышишь? Этот зов
Рушит сталь оков.
Дышит чистый звук
На небес пурпур.
Встань, остановись
На мгновение,
И за мною ввысь
Лёгкой тенью.
Вместе мы пройдем
Облаков туман,
Может быть, наш дом
Неба океан?
Этот сон, не явь –
Больше, может, вскрик.
Медлить нам нельзя,

Потеряем миг.

1995

* * *

Дверь в никуда я отворяю,
И вместе с тобою бреду
В липком бреду в рассвет,
Где тень заслоняет свет,
Где нет ни свободы,
Где нет ни брода,
И радости тоже нет.
Скажи мне, сердце, что это? –
Фатальность, иль тоже бред?
А, может быть, наши души
Испытывает Господь?
Кто знает, быть может, это
Преддверие Вечного Света,
А, может быть, что-то иное?
Может быть, кара (за что!)?
И стоит ли жить в страданиях,
Стоит ли черпать знания?
Стоит ли? Может быть, нет?
Кто может сказать уверенно,
Напрасны ли наши муки?
И в те ли мы входим двери?
И в руки берём ли мы то, что нужно
Нашим бессмертным душам?
Или же балуем плоть?..
Можем ли мы знать,
Сколько ещё нам впасть
В страх, в блуд, может быть в злость?
Сколько же раз нам пасть
На самое дно,
А может быть прямо в пасть
Какому-то людоеду?
Иль может быть выпасть в окно,
Не дожидаясь обеда?
Сколько липнет на нас тьмы!
Не вини никого,

Виноваты лишь мы.
Только взгляд свой не прячь,
Я подставлю плечо,
Не проигран наш матч,
Верю в то горячо.
Верю в то, и надеюсь,
Что всё-таки ждёт
После всех потрясений взлёт!

1995

* * *

Этот сумасшедший мир
С пресными очами
Сотворили мы
Сами.
Наизнанку мысли,
Голоса шальные,
Как из пекла вышли
Бесы вслед за Виём.
По пустой квартире
Пьяный Дьявол рыщет,
Я на этом пире
Лишний.
Мне вонзились в сердце
Чьи-то злые когти,
И терзают черти,
Скручивая локти.
Мне бы встать пред Богом
На колени.
Не просить убого
На утеху денег.
А просить прощения
За свою телесность,
И за прегрешения
Неизвестные.
Мне бы выйти в поле,
И, обняв осину,
Прекратить застолье

Одержимых.
Милая, родная,
Чем тебя порадовать?
Я и сам не знаю,
Где враньё с неправдою.
Этот сумасшедший мир
С пресными очами
Сотворили мы
Сами.

1995

* * *

Мы задыхаемся от склок,
Отравленные смрадом словесных нечистот.
И будет чист лишь тот,
Кто райского достигнет сада,
Не тратя лишних слов, не отвечая злобой.
Но много ли таких голов в реальности суровой?
Практически, мы знаем, что зло, - есть зло.
Ну, а добро? Оно, порою, злей...
И нас ведёт по жизни фальши знамя
В мир сумрачных теней.
Однако, верю я, что в нас заложено прозреньё,
И знание незыблемых основ.
Змее беззубой в миг на удивленьё
Вдруг уподобится поток из грязных слов,
Исторгнутых из глотки подлеца,
Который сам, как грязь,
Хотя, и мечется, усиленно бодрясь,
Не замечая своего конца.
А может быть, и зная про свои грехи,
Он мечется в агонии тоски,
Напраслиной меча налево и направо.
Но что за диво? Мой приятель, bravo!
Внимаешь ты крикливому ослу,
И даже, не сопротивляясь злу,
Мечтаешь по красивому, и тихо
Избавиться от эдакого лиха.

И всё ж никак не можешь с ним расстаться.
Да, полно-те, паяцы!
Вы не дождётесь милости от Бога,
Молчанием скрепив власть духа злого...

1995

Я останусь в лугах...

Этот ветер хмельной закружит меня в прах,
Не ищи, не зови, не гоняйся за мной.
Если сможешь, мой ангел, живи в кандалах,
Я ж, пожалуй, навеки останусь в лугах,
Чтобы в запахах душистый нырнуть с головой.
Чтобы в шорох ночной незаметно упасть,
Просочиться к корням, и пробиться травой.
Если можешь, мой ангел, излить свою страсть,
Ты бессмысленных слов понапрасну не трать.
Я останусь в лугах, чтоб звенеть под косой.
Я останусь в лугах, чтоб зарю не проспять,
Задыхаться и плакать, витать в облаках.
Если можешь, мой ангел, со мной не мечтать,
Не пытайся, хотя бы, домой меня звать.
Я, в тиши растворившись, останусь в лугах...

1995

* * *

Верь слову моему, и взгляду,
Ошалевшему от визга тормозов.
Верь зову моему, и Аду
В душе своей не открывай засов.
И биться с недругом невидимым не надо.
И на него не трать ты много слов.
Достаточно лишь брошенного взгляда
На Божий образ, что сквозит поверх голов.

1995

* * *

Мне холодно,

В самом центре большого города.
Холодно и неуютно, смутно внутри.
Мне голодно.
От ненасытной страсти сгораю,
Замкнувшись незримою властью любви.
Знаю, не всё то золото,
Что блеском слепит прохожего.
От слова, на сталь похожего,
Бывает, душа расколота
На сотни больных частей.
Не мы ли, сказать по совести,
Злословим, порой предаём.
И близких, для нас не новостью,
За пару грошей продаём.
Порою, гостей непрошенных
Привечаем, забыв друзей.
И в вечер, тоской запорошенный,
Мы гоним нам близких людей.
Город покрылся инеем,
Вморозив меня в асфальт.
Живу я одной половиною,
Другой превратился в базальт.
Мне холодно,
В самом центре большого города...

1995

* * *

Слёзы похожи на дождь, шедший вчера.
Такие же грустные, и невесомые.
Дождь, что с асфальта ногами стирал
Чьи-то следы, и своими ладонями
Смахивал пыль с подоконников.
Слёзы похожи на дождь, что бродил
По бульвару потерянным странником,
Дождь, что звёзды на небе гасил,
И шептал по пути неприкаянно,
Как молитву седой праведник.

Этот дождь щебетал об одной,
Будто бы удавшейся встрече.
Только, знаю, он был не со мной
Этот дождь во вчерашний вечер.
Знаю, дождь этот был не моим
Не последним, да, и не первым,
Был из многих таких же, очередным.
И даже чуть-чуть враждебным.
И я одиноко плакал,
Не от горечи. И не для радости.
Может быть, пожалуй, чуть-чуть,
Для храбрости...

Тихий ясень мохнатою лапою
Слёзы смахивал мне со щеки.
И, казалось, что дождь тот каплями
Серебрит ненароком виски.
Впрочем, может быть, это время
Своей кистью виски мажет?
Я всё тот же, но, тем не менее,
Не становлюсь я глаже.
Пусть кричу я зеркалу: Врёшь!
Но оно мне в ответ усмехается.
Льёт и льёт надоедливый дождь,
И слезами душа заливается.
Повзрослел? Постарел?
Поубавилось крыл?
Под глазами мазнулись тени.
В целом – тот же, что был,
Только дождь льёт и льёт,
Превращаясь, зануда, в осенний.
Ну, а слёзы похожи на дождь...

1995

* * *

То не плач, не смех,
Не забвение.
То для вас, для всех,
Не заметить грех,
Забывание.

От дрожащих рук
Жжение,
А, порою, вьюг
Завывание.
То не сон, не вскрик,
Не прощение.
Колокол звонит,
Как печальный стих,
На прощание...
Ты и я вдвоём
В бездорожии,
Тщетно свечи жжём,
Обезножили.
От случайных слов
Онемение,
Нож случайных фраз,
Прямо, в сердце нас,
Ранит,
Но в простор зимы
Снова рвёмся мы,
Тем не менее.
И при встрече, вновь,
Скажешь, будь здоров,
Странник.
Где наш отчий дом?
Может быть, в былом,
В незнании?
Ты и я в пути,
В бездорожии.
Боже, освяти
Наше прошлое.

1995

* * *

Я войду в тихий дом,
Скрипнут двери, приветствуя странника.
Я войду, и в былом
Окунусь, искупив на мгновенье свой грех.

Это песни мои, это детство, тут - след от паяльника...
Ну, а здесь собирал я друзей для совместных потех...

Кошелев мы не мерили, шмотками не задавались,
И друг другу не тискали выпранным слогом в глаза.
Просто, были мы вместе, и изредка вдрызг напивались,
Ну, а чаще, бывало – летали душой в небеса.

Нас судьба разбросала: кого-то – в сибирские дали,
Кто-то носит на теле скупой арестантский наряд,
Кто-то жизнь прожигает с потрёпаной пьянствуя кралей,
Наркота для кого-то дорогу бронирует в ад.

Я войду в тихий дом,
Скрипнут двери, приветствуя странника.
Я войду, и в былом
Окажусь, чтобы сердце согреть,
Здесь мы были все вместе, и изредка вдрызг напивались,
А потом разбежались, чтоб в пламени жизни сгореть.

Я войду в тихий дом,
Скрипнут двери, приветствуя Странника.
Я войду и в былом
Окунусь, искупив на мгновенье свой грех.
Что на рясу сменил в одночасье я робу механика.
И ушёл в одиночество, в прошлом оставив вас всех.

1995

Родник

Струится родник, на свет вынося чистоту.
И в слабом его порыве укрыта мудрость –
Материнская мудрость Земли,
И сила, безмерная сила подземной стихии.
Бери, и впитывай корнями своими истину,
Насколько позволит тебе вдохновенное сердце.
Читай эту книгу, познай непорочность любви.
И ты получишь представление о мире.
Том мире, который живёт и плачет,
Дышит и задыхается, хрипит и поёт,
Ползает и порхает, рождается, а затем умирает.
Умирает, чтобы снова родиться, и жить,

Окутав себя вдохновеньем.
Читай эту книгу, познай этот мир,
Где большое в малом, а малое во всём.
Таков этот мир, где ты
Одновременно, и велик, и ничтожен.
Приходи в этот мир, приходи,
И не прячь свою голову, словно страус.
Приходи в этот мир, приходи,
Не проспи свою жизнь.
Ведь она, это не совсем то, что ты думал.
Не проспи рассвета,
Наслаждайся очарованьем полёта,
И не упусти в увлеченье своём заката.
Ведь, всё это тоже ты.
Слышишь мой зов?
Мой зов – это зов сердца,
Это зов жизни, это зов увядания,
Это зов бессмертья, это знание...
Слышишь?.. Родник струится...

1996

* * *

Ветер, не ветер, прерывистый смех,
На скамейках мокро и неудобно.
Целый вечер бродил ошарашенно снег,
Распластался, притихнув, он только наутро.
Муторно...
Словно, с похмелья рассвет,
Холодно, сыро...
В опустевшей наутро квартире
Тьма тараканов,
Да, пропавший билет,
Нет, не на поезд,
А на балет.
Впрочем, теперь
Не так уж и важно.
Я завидую.
Только кому? – Не пойму.
Таксисту? Прохожему? Девке продажной?

Или быть может тому,
Обалдевшему, с дрожащею тенью индивиду,
То ли путнику, то ли бродяге. Ему?..
Но почему? Почему
Я склонен ему завидовать?
Кто ты, неузнанный? И о чём
Глухо ворчит в подворотне собака?
Постой! Не бросайся в неё кирпичом
Скользкого, обледенелого страха.
Ты – это я,
Также брошенный всеми,
Неуслышанный вскрик одинокой души.
Ты – судьбы непростой заплутавшийся пленник,
Только с жизнью прощаться, пока, не спеши.
Я – изгой, ты такой же непринятый сон,
Пей по полной из чаши горечи.
Не по нам ли гудит поминальный звон,
Уточнить, что к чему, не позволите ль?..
Обратись ликом к солнцу, оно не предаст,
Будь открытым лучам согревающим.
Солнце, ветер и мы: уже четверо нас
На бескрайних просторах товарищей...

1996

Они придут...

Они придут, закутанные в дождь,
Чтоб пламя погасить своим дыханьем,
Запачкать совесть, нежность бросить в дрожь,
Любовь и радость затопить слезами.

Они придут, чтобы пронзить тоской,
Приговорить безвременно к бессмертью,
Всех разом осудить нас на покой,
И наложить арест на голос сердца.

Они придут, я слышу их шаги.
Не мне ли знать предвестников заката?
Прошу тебя, не прячься, не беги,
И не дрожи в предчувствии утраты.

Они придут, чтобы сковать тела,
Чтоб мучить, бить, терзать, и рвать на части.
И, чтобы сотворить нам царство Зла.
Но кто, скажи, им выдаст наше счастье?
Кто им откроет дверь в страну любви,
Где наши души вольные, как ветер?
Они придут, чтобы познать, увы,
Своё бессилие в преддверие рассвета...

1996

* * *

Ночь была холодна по-арктически,
И рассвет ожидался взхлёб.
Я дышал непокоем, панически
Ждал восхода, впадая в озноб.

Мне б согреться в движенье, в дерзании,
Мне бы дух свой отправить в полёт,
Но застыл стылый дух в ожидании –
Что подарит мне этот восход?

Ожидаю тепла, и жду света
Я от солнца, пусть только взглянет.
Может, глупо всё, ведь, не лето –
Снег от зимнего солнца не тает.

Впрочем, пусть сквозь белёсый сумрак
Солнце заспанный лик покажет.
И в награду за верность, думаю,
Пару ласковых слов мне скажет.

Встречи час долгожданный просится,
Замер мир в ожидании света,
Солнце чуждое всплыло над просинью –
Теплоты в его взгляде нету.

Обманувшись в своих ожиданиях,
Я стою над бездонной кручей.
И в объятия ветер манит
Своей нежностью колючей.

Ночь была холодна по-арктически,
Не согрел и седой рассвет.
И в нетопленной электричке
Мне к холодной трястись звезде.

1996

Жизнь имеет смысл

Жизнь имеет смысл даже тогда,
Когда вокруг пустота без края,
И даже, когда пустота
На надрыве нутро разрывает.
Жизнь имеет смысл, но иногда,
Она этот смысл теряет...

Вроде, жили, не ныли, страдали тайком,
Распалялись, и самосжигались.
И, сгорая дотла, просто так, ни о ком,
Мы в подушки рыдали, каюсь.

Сколько раз мы встречали на речке рассвет,
Сколько раз зажигали свечи,
А Спасителя нашего всё ещё нет,
А готовы ли мы к встрече?

На пустынной воде сон не сон, ночь не тень –
Полупризрачная картина,
Жизнь не жизнь, день не день, а Христос по воде
К нам придёт, чтобы снова сгинуть.

Путь в закат не кляни, день шершав, как наждак,
Может, вечером вспыхнут звёзды.
И нужда не нужда, на кресте иногда
Распинаем мы даже воздух.

Не беги от огня, не беги от креста,
Встань пред ними, расправив крылья.
Пусть грызут и бранят, проклиная тебя,
Но такое когда то уж было...

Жизнь имеет смысл даже тогда,

Когда нет никакого смысла.
Скажешь «нет» или «да», всё одно – суета,
Пустота над Землёю зависла...

1996

Я, как загнанный волк

Я, как загнанный волк,
Вилы целят мне в бок,
Нет пространства ни справа, ни слева.
И смотрю в потолок,
Да, поможет мне Бог,
От загонщиков озверелых.

Я, как загнанный волк,
В сердце смотрит мне ствол,
И в коллапсе сжимается время.
Кто-то тронет курок,
Чтобы пулей в висок,
Но сгибать я не стану коленей.

Я, как загнанный волк,
Жил и выл, сколько мог,
Презирая охотничьи ружья.
И, прослушав урок,
Я читал между строк,
И торчком становились уши.

Я, как загнанный волк,
Судьи знают в нас толк,
Вмиг на шею набросили петлю.
Усмехнулся злой рок,
Знать, окончен мой срок,
Узел стянут, хриплю еле-еле.

1996

Танец

Вы простите, Мадам,
Этот танец за мной.
Приглашаю Вас в круг,

Поведу Вас в рассвет.
Пусть подарит он нам
Небосвод голубой,
Пусть некошенный луг
Нас укроет, как плед.

Этот танец за мной,
Только, музыки нет.
Разбиваются волны
Морские о пирс.
И смывает волной
Груз непрожитых лет,
И волнительный торс
Скрыт велюром кулис.

Этот день не погас,
Но, как будто, чужой.
Я и сам не заметил
Опущенных век.
Был, как зрячий без глаз,
Но с открытой душой,
Рядом был только ветер,
Да, плачущий снег.

Я бреду наугад,
Плачу сердцем навзрыд.
И не мне ли понять,
Был тот танец не мой.
Не вернусь я назад,
Пусть свеча догорит,
Вам, Мадам, танцевать,
Но уже не со мной...

1996

Уснувший парк

Уснувший парк,
свидетель моих радостей и горя,
Опять молчит,
задумчиво взирая в небеса,
И ничего понять, увы, уже нельзя

В его немом заиндевавшем взоре.
Бреду сквозь крик,
на волю рвущийся из сердца,
Пронзает грудь тупая боль тоски,
И обесцвечивает инеем виски,
В предчувствии
незваной гостьи – смерти.

Тушить рассвет,
теченье рек нарушить,
И разогнать в безумье облака –
Всё это, знаю я, наверняка,
Заложено с рожденья
в наших душах.

И мы крушим подножия горы,
Где дом стоит наш,
притулившись с краю,
И устоит ли, я того не знаю,
Так, как ещё стоял до той поры.

Молю судьбу,
пусть мне рассвет подарит,
Пусть вольный ветер
освежит лицо,
И, чтобы в этот день,
как можно дальше,
Мне быть от ханжества,
льстецов и подлецов.

Приветливо вздохнёт мой парк,
проснувшись,
Благословляя день, зашелестит,
И выпустит на волю наши души,
Которые сидели взаперти.

1996

Колокол звонит

Как вина глоток,
Позабытый день.

Он меня обрѣк
В руки взять мишень.
В тот же миг - обстрел
Изо всех углов,
Рядом груды тел,
Да, и я готов...

Был один, как вскрик
Взбудоражен я,
Помертвевший лик
Ошарашенный.
Колокол звонит –
День прощания.
Не в бою убит
От отчаянья.

Эта ночь не спит,
Осовелая,
А душа скулит
Очумелая.
Избежавший слѣз
Искупления,
Я себя унёс
В тление.

Принял в спину нож
Словоблудия,
Вместо песни в дождь
Пополуденный,
Вместо смеха в тьму
Несусветную,
Может, там пойму
На что сетовать.

Парусом летел
Над заливом грѣз.
Вмиг окаменел,
Сорняком зарос.
Врезал мысль в гранит
Обелисковый,
Колокол звонит

Где-то близко...

1996

* * *

Прошлое – не обман,
Усталость в закат обрати,
Обрушь свою злость в океан,
Но, если сумеешь, прости.
Сумеешь забыть, так забудь,
Чем сердце напрасно терзать.
Того, что прошло, не вернуть,
И стоит ли вновь возвращать?
Пусть будет оно там, где сон
Махнёт невесомым крылом,
Пусть будет оно ручейком,
Что будет шептать о былом.
Сумеешь шагать, так иди,
Возжаждешь, глотни из ручья,
Но прошлого не бери,
Сними эту тяжесть с плеча.
Прошлое – не обман,
В сегодняшнем дне – седина.
А жизнь, как большой океан,
Нам всем в испытанье дана.
Сумей распознать, что по чём,
Где правда, где ложь, где каприз,
Где солнце бьёт первым лучом,
А где чёрный ворон завис.
Наше прошлое – не обман,
Но не след оправданий искать.
Кто-то, может быть, просто был пьян,
И сумел, что имел потерять,
Кто-то, может быть, просто проспал,
Кто-то, может быть, песни пропел,
Кто-то, может быть, просто устал,
Ну, а кто-то - сгорел...

1996

Дай, милосердный Бог...

Дай, милосердный Бог, осилить ненависть,
Которая бушует в глотках злых.

Дай, Бог, при этом милость исповедовать,
И не вязать из домыслов узлы.

Встречать рассвет, судьбу благословляя,
С умиротвореньем солнце провожать.
Дай, Бог, мне жизнь свою прожить, страдая,
Чтоб было не тоскливо умирать.

Признаюсь, не впервые мне вселяться
В истерзанные муками тела.

Быть изгнанным, и в забытьи скитаться,
Но там, где больше власти нет у зла.

Потух костёр, остыл забытый ужин,
Душа изгнанника порхает над рекой.
И ночь черкает в дневнике, уже не нужном,
Каракули взволнованной рукой.

Эй, странник, что оставил в этой жизни?
Куда тебя нелёгкая несёт?
И нужно ли тебе быть независимым,
Чтоб продолжать в неведение полёт?

И нужно ли страдать, и в верность верить,
И нужно ли за веру крест нести?
Не проще ли уйти, захлопнув двери,
Сказав судьбе последнее «прости»?

Дай, милосердный Бог, мне силы выжить,
Бессилие в себе преодолеть.
Дай, Бог, быть к доброте немного ближе,
Вознёсшись над злословием, прозреть...

1996

* * *

Я видел, знал и ждал прихода тёмной силы,
Хотя, её никто не приглашал на бал.
Но вот она меня на танец пригласила,
И отказаться я, как будто, опоздал.

Нет силы возражать, пусть будет, как случилось.
Я видел, знал и ждал. Что заставляло ждать?
Я видел, знал и ждал, того, что мне не мило,
Всё то, что потерял, был должен потерять.

Я видел, знал и ждал, так, почему, на милость,
Я, отвернувши лик, простуженно молчал?
Я видел, знал и ждал, и мне ночами снилось,
Как распалённым сердцем я Землю освещал.

Я видел, знал и ждал, надежды не теряя,
Что легкокрылый бриз очистит мой причал.
Я видел, знал и ждал перед Вратами Рая,
Чтоб дух мой воспарил, и светом засиял.

1996

* * *

Видишь, скатилась звезда...
Не плачь, кареглазая,
Это – знаменье судьбы.
Как прежде, бегут поезда,
Но где-то, возможно, увы,
Кто-то похожий на нас
Погас...
За ним, очень может быть, мы
Отправимся в царство теней.
Косматой не бойся, смелей.
Ведь, мир безграничен для тех,
Кто сердцем постигнет любовь.
Я имею ввиду не потоки из слов,
А чистого чувства величие.
Не будь, кареглазая в ненависти.
Сломай предрассудки, и пой.
Не бойся, я вместе с тобой
Буду судьбе исповедоваться,
И пусть нас встречает прибой
Своими наивными всхлипами.
Не бойся, я вместе с тобой
Из нежности, как будто бы вылитый.

Не жди приглашения в рай,
А также, ввиду неизбежности,
От пекла в грехе не увиливай.
Живи, и, коль надо, страдай.
Даже если та жизнь опостылела,
Падай, и снова вставай...

1996

* * *

Ночь задует свечу ожидания,
Встань, мой друг, постоим, помолчим.
Эта песня какая-то странная,
Что под окнами робко звучит.

Звуки музыки с трепетом слушаем,
В ней рефреном бушует тоска.
Свистнет пуля, скользнув у виска,
И вспугнёт чью-то душу потухшую
От последнего в жизни мазка.

Помолчим, милый друг, на прощание,
Эта песня не наша, но всё ж
Не такая она уж и странная,
Если слышится в ней покаяние,
И отсутствуют пошлость, и ложь.

Эта песня, мой друг, от отчаянья,
Не суди, не ряди, не тревожь.
Ночь задует свечу ожидания,
Может быть, ты её вновь зажжёшь.

1996

* * *

Только шаг, и разверзнется пропасть,
Только вдох, и обрушится свод.
Не спеши от отчаянья топать,
Превратим мы паденье в полёт.

Этот ветренный день не последний,
Завернись с подбородком в пальто.

Предстоит нам идти по ступеням
Прямо в царство безгрешных цветов.

Предстоит нам познать утешенье,
Засыпая в небесных лугах,
С головой окунаться в цветенье,
Расстелив под собой облака.

Только шаг, и, срываемый ветром,
Лист падёт на утоптаный дёрн.
Только вдох, и, нарушив запреты,
Мы на Землю опять упадём...

1996

* * *

День прощания мокрый от слёз,
Дух плутает из зноя в озноб,
Пробуждение ветер холодный принёс,
Но не просто остыть нам от снов.

Милый мой, Дон Кихот,
Ищешь дни напролёт,
Чтобы только сразиться со злом.
Но не знаешь в лицо
Тех незримых бойцов,
Что смердят, спрятав тыл за углом.

Не верти головой,
Зло не кучка дерьма,
Не ищи, закрывая глаза,
Пробудись поскорее,
Прошу, ото сна,
И не целься копьём в небеса.

Милый мой, Дон Кихот,
Это солнца восход,
Не бросайся на солнце с копьём.
Этот свет – не огонь,
Не от милости вонь,
А, скорее, от хамства со злом.

Милый рыцарь, ты ищешь

Преддверия зла.
Там, где ветры гуляют по полю.
Топчешь тех,
Кого прежде людская хула,
Ненасытная недотопала.

Мчишь туда, где тоскует побитым котом
Чьих-то домыслов ветхая пленница,
Машет ясному небу подбитым крылом
Ветряная забытая мельница.

Не бросайся на облако, это мираж.
Ведь в желании битвы, обычная блажь.
И измучив коня, ты не целься в меня,
А ударив, смотри, не промажь...

1996

* * *

Ветер, мой ласковый брат,
Нежно за шею обняв,
Шепчет на ухо мне о любви.
Щёки от ветра горят,
Иль, не пойму,
Может, это эмоций прилив
Внутренним светом
Меня озарил?
Или может быть
В раненном сердце
Неведомый странник
Костёр для любви распалил?
Возвращайся ко мне,
Легкокрылая птица мечты,
Возвращайся, мы вместе
С тобою отправимся
В царствие света,
Где цветёт для таких же
Влюблённых, как мы,
Сад волнующий вечного лета.
Возвращайся и зри
На пылающий внутренний блик.

Это всполох зари,
Не рассветной зари,
Не закатной,
Не оплатной, и не утратной.
Это всполох предчувствия рая,
Постарайся с ним слиться,
Замри...
Вмиг почувствуешь ток,
И помчимся, на вечность взирая,
Окунувшись в ревуший поток.
Время петь, время знать,
Что приходит нам час озаренья.
Свет любви – не каприз,
Не подарок, не приз,
А безгрешной мечты сотворенье.

1996

* * *

Возрадуйтесь, дети мои, я ночной пилигрим,
И буду потворствовать песней сегодня двоим.
Завесив влюблённых ажурным пологом ночным,
Я буду потворствовать в бережной нежности им.
Несмелым, но искренним в отклике трепетных чувств,
И в прикосновении чувственно-пламенных уст.
Я буду потворствовать свету мерцающих звёзд,
Искрящему ливню от дивных, пьянящих волос,
Бездонным озёрам, застывшим в оправе ресниц,
Любовному жару стыдливо пылающих лиц.
Возрадуйтесь, дети мои, я ночной пилигрим,
И буду потворствовать песней в ту ночь молодым.
Молитвою – песней их, юных, благословлю.
Пусть, счастливы будут они, те, кого я люблю!

1996

* * *

Сегодня день моего триумфа,
А, возможно, и день поражения.

Не всё ли равно,
Как назовут этот день близкие?
Тем более, всё равно,
Как назовут его незнакомцы.
Пусть называют сегодняшней день
Днём добра, или праздником зла,
Те, кто сердцем горяч,
Иль совсем без тепла.
Не в названии суть.
Не едино ли знать,
Кто стоит на коленях,
Злостный враг, подлый трус,
Или странник смиренный?
Всем нам также стоять
За свои прегрешенья.
Здесь ли, там, по утрам, вечерам,
Иль пред вратами райскими.
Всё равно предстоит отвечать
За то, что содеяно нами.
А также за то,
Что в торжественную минуту
Божественного вдохновенья,
Мы презрев, а, возможно, и
В ослепленьи,
Предавались лени...
Не удастся смолчать.
Так не всё ли равно,
Как назвать этот день,
Если солнце устало ждать?
Приди, и согрей мои руки,
Чтобы смог ими небо держать.
Что для вечности день? –
Слабый блик в переливах света.
Так не всё ли равно,
Каким он останется в памяти,
Если руки мои согреты
Дыханием тихих озёр?

Буду вечно стоять,
Не давая обрушиться своду.
И тогда, может, только тогда,
Став монолитным, как камень,
Обрету, наконец, свободу,
Устремляя свой взор наверх.
Но для вас, для снующих, всех,
Для несущих свой груз оков,
День сегодняшней был каков?
День сегодняшней был, и померк,
Умещаясь в мешок заплечный.
Так, откуда предчувствие вечности,
Если дни суета заела?
Отцвело, отсветило, отбредилося,
Оттревожилось, и отзвенело...
Так, попробуй открыть мне веки,
Запечатанные сомнением.
Я обязан увидеть образ
Бесконечной Вселенной.
И, почувствовав озаренье,
Вызвать муки второго рожденья,
Став в тот миг для зелёной планеты
Не пришельцем и созерцателем,
Если только мне свыше доверят,
Соплеменником и создателем.
Создателем чувств и света,
Облаков легкокрылых, ветра.
Ощущая вселенский всполох,
Шаг за шагом вдыхая волю,
Я помчусь, если мне позволят,
Наперегонки со светом,
Зря грядущему прямо в очи,
Сам превратившись в свет при этом,
Озаряющий сумрак ночи.
Так, не всё ли равно,
Как назовут этот день?
День моего триумфа,

А, возможно, поражения!
Всё в этом мире – свет.
И в телесном моём понимании
Слов других подходящих нет.
Сегодня день моего триумфа!

1996

* * *

Богом оставленные, но не прокляты,
Будьте со мною, хотя бы в молитве,
Чтобы слёзы ночные, в отчаянье пролитые,
Были скорее забыты.

Солнце взойдёт над пустынной равниной,
Залив недоверие светом любви,
Тень клеветы оно снимет с невинных,
Ненависть в сердце спалив.

Идите в раскаянье, сейте прощенье,
Берите в дорогу охапки добра,
Для светлых молитв не жалейте коленей,
Недолго осталось вам ждать до утра.

Былое кошмарным мелькнёт сновиденьем,
В любви пробудиться сумей.
С рассветом исчезнут последние тени,
И свежим бельём застелится постель.

1996

* * *

Налей мне горечи отверженную чашу,
И поднеси смятенье, словно, стяг.
Рыдай, терзай, и от себя гони,
Отправь мой дух усталый в подземелье,
Но только, я прошу, не прокляни.
Пусть сгинет весть, обрушившись в забвенье,
Пусть лес молчит, испепеляя взор.
Ты чувствуешь? – Я рядом, здесь.
Я весь в стремленье,

Околдован чьей-то тенью,
И от судьбы таюсь я словно вор,
Иль добровольный пленник.
Пусть дышит зной, обезоруживая сердце.
Суровый день, вздохнув, оставит свой придел.
Я сам того, наверное, хотел,
Коли попал в холодные объятия
Незваной гостьи, что зовётся смертью...
Возьми тот камень, что чернеет под ногами.
Он словно память не даёт мне опьянеть.
Возьми, и брось его, но так, чтобы избавить
Меня от чувств, и мыслей навека.
И пусть через пороги и ненастья,
Течёт в грядущее, мой пыл себе оставив,
Былая спутница – разлучница-тоска...

1996

* * *

Небо ждёт вдохновения – веруй!
На мгновение в сон, и вернись.
Оставайся в стремлении ввысь,
Чтобы выйти в незримые двери
Покаянной путницей в жизнь.

Этот день не для слов, не для снов.
Пусть терзает тебя любовь,
В переливах вечерней зари,
Сняв с горячего сердца покров,
Без остатка сгори!

Пронеси этот крест через боль,
Даже если разлучница-смерть
Твою грешную душу взлелеет.
Так бывает, увы, порой,
Но стремление ввысь,
Постарайся понять душой,
Несравненно сильнее.

Замер всполох зарниц,
И в прозрачности лиц

Отразился седой вечер.
За лесною каймой
День устало потух,
Я в волнении жгу свечи.
Никого не сужу,
Вижу, верю и жду...
Просто так,
Мысли вслух...

1996

* * *

Может быть, в ярком пламени
Видишь ты ропот тьмы.
Только в объятьях холода
Прими ты своими нервами
Голос огня заветного,
Хоть краски озноба немы.
Выйди, вспенясь, из берега,
И призрачный рай затопи,
Только огонь тот бережно
В ладони свои дрожащие
Возьми, и, как чашу, неси.
В глубинных тисках откровения,
Старайся познать горение,
Сгори самым ярким пламенем,
И крылья в огне обрети.
На древке хлестни знаменем,
И в вольном полёте мечты,
Старайся познать сгорание,
Старенья очарование,
Почувствуй седую мудрость
Рассыпаной кучки пепла.
Прими, как надежду, шёпот
Отчаявшегося ветра.
С любовью придёт и вера,
Окутанная забвеньем,
А с верой придёт смиренье,
Прими этот дар судьбы.

И в пламени полутенью
Мазнись словно чей-то вскрик.
Склони перед мукой колени,
И скорбный, смиренный лик...

1996

* * *

Ночь ласкает ожерелья плеч,
На мгновение свет помножив,
Тают огненно мысли свеч,
Одинокую душу тревожа.
Я войду в неприкрытую дверь,
Ненароком смахнув паутину.
Пусть беснуется чародей,
Тот, который её накиннул.
Я устами к устам прильну,
Над Царевной склонившись Спящей.
Я её к этой жизни верну,
Непридуманной, настоящей.
Постарайся открыть глаза,
Наслаждаясь реальным светом,
Только взглядом своим при этом,
Не пронзи невзначай небеса.
Знай, мой ангел, тот свет не зло,
Свет – вселенской любви излученье.
Чтобы больше в тебя вошло,
Становись перед ним на колени.
Этот мир, раздираемый в клочья,
От бесчисленных дрызг ослеп.
А, ведь, чтобы взглянуть на свет,
Надо только открыть свои очи.

1996

* * *

Только два слова, и боль до рассвета.
Стон?.. Пожалуй, всхлип.
Рояль одинокий устало,
Запятавшись в угол, молчит.

Немая симфония позднего лета
В забытых аллеях звучит.
И двое влюблённых,
Остыв от объятий,
К нежданной разлуке спешат.
Их утренний лепет,
Как молотом лепит
Суровый прощальный набат.
Глазами стреляют,
Мол, скоро светает,
«Ну, что ж, до свиданья» –
«Прощай!..»
«Мы встретимся снова?»
«Быть может... Не знаю.
Не буду сейчас обещать».
«В чём дело, родная?
Что значит: Не знаю?»
«Быть может, любимый,
Как знать?»
«Что значит: Быть может?
Морозит по коже,
Откуда взялась эта блажь?»
«Не стоит...» «Постой же...
А как быть с любовью?»
«Любовь? – Это только мираж».

Стоят два утёса, застывшие в танце.
Стоят, и в глазах пустота.
О, время! О, вечность!
Минут скоротечность,
Мечты голубой высота.
Им время диктует,
Заброшенный в буднях,
Задумчивый бережный такт.
Да или нет, нет или да.
Всегда, иногда, так, не так.
И трутся о плиты
Обломки гранита,
В которых сомненья,

Как твердью укрыты.
В немом исступленьи
Падут на колени
Два гордых утёса.
И грозы, не грозы,
Источат их слёзы,
Ведь час, ненадёжнейший страж.
Пройдёт словно стужа,
Безмолвно разрушит
Незыблемый некогда кряж...

1996

* * *

Вне времени, пространства, бытия,
Вдруг ненароком оказался я.
Я оказался в шёпоте вершин
Неизмеримостью абстрактных величин,
Я оказался шёпотом дождя,
И в Божьем Слове оказался я.
И оттого мне хочется летать,
Рождаться в этом мире, умирать,
Любить, и быть любимым, хоть чуть-чуть,
И продолжать вне времени свой путь,
Надеяться на Божью благодать,
Немного брать, но больше возвращать.
Не в силах знать я точно наперёд,
Куда меня надежда занесёт.
Но я прошу, о Боже, вознеси
Мой дух над приземлённостью судьбы,
Где мы с тобою, веру воскресив,
Растаем в бесконечности любви.

1996

* * *

В трепетном шёпоте звёзд
Слышу твой голос, судьба.
Это ещё не зов,
Это ещё не призыв.

В переплетении фраз,
Может быть, чуточку злых,
Теплится зрелая страсть,
Осколок от скрытого знания.
В ветренном всполохе знамени
На древке откровения
Проявляется знамение
Великой моей причастности
К благословенному созерцанию
Вечного пламени озарения.
Это не карма, не рок,
Ночь будет прятать глаза.
В вихрях пропавших миров,
След затерялся родной...
Боль от потери?.. Слеза?..
Боль... Без любви одиноко
Мой непричесанный нрав.
Прав был я, или не прав,
Изменится ль мир от того,
Что тебя нет сегодня со мной?
Я улетаю... Постой!
Я улетаю... Куда?
В неизбежность.
Туда, где потухла звезда
Надежды.
Я улетаю душой,
Мир мой – моя грешность,
Праведность – вместе с тобой.
Зов? Нет, не в шёпоте звёзд.
Зов! Он во мне самом.
Твой образ за дымкою грёз
Скрылся в былом...

1996

* * *

Ты, гость неожиданный мой,
Не стой на пороге, войди!
Скажи, что тебя привело

В столь позднее (только ли!) время,
В мой тихий заброшенный дом,
В простуженный замок забвенья.
Надеюсь, не зло, и не месть...
Скажи, не томи, не тяни,
Какую принёс ты мне весть?
Ты чувствуешь, странник, я весь
Во вниманье смиренно застыл.
И, голову молча склонив,
Мирюсь с неизбежным, с больным...
Скажи мне, но только не лги,
Откуда предчувствие смерти?
Бесплодно не целься, ударь...
Но в порыве своём
Меня не суди, не кляни.
А, впрочем, что спорить с судьбой?
Ты дай мне, неожиданный мой гость,
Нарушивший стылый покой,
Всё то, что я сам заслужил,
Борясь день за днём сам с собой.
И, вроде бы жил, и не жил,
Терпел, а порою рыдал,
От боли отчаянно выл,
Но больше в молчанье страдал.
Быть может вся жизнь – просто сон.
На миг только смежишь глаза,
И враз опустеет вокзал.
Как будто бы всё не сказал,
А звон словно в день похорон.
Возможно настала пора
Излиться, открыться, пропасть,
Или обрушиться в страсть.
Скажи мне, неожиданный мой гость,
Насколько расшатан мой трон.
И сможет ли выдержать он
До наступленья утра?..

* * *

Спит одинокий странник,
Забывший про вчерашние заботы.
И хочется его спросить мне:
Кто ты, потерянный в безвременной тиши?
Остынь сегодня от своих желаний,
А завтра, охладившись, расскажи,
Куда несёт судьба через невзгоды.
Но лучше, раскрываться не спеши.
Кто знает, может быть, ты мой противник?
Пришёл, чтобы прервать тревожный путь,
Вонзив кинжал неудержимоострый
По ручку в мою трепетную грудь.
Но только пусть случится это так внезапно,
Чтоб не пришлось успеть всё осознать –
Зачем мне преждевременно терзать
Свой дух произвольным ожиданьем?
Твой сон я не посмею беспокоить,
Зачем спешить с предсмертным покаяньем?
Мы все невольники своих утех,
И Божий Суд нас ожидает всех,
Хотя, терзать себя заранее не стоит...

1997

* * *

Был ветер и снег, запорошенный дом,
Холодный рассвет, позабытый в былом,
Фрагменты разорванных в клочья афиш,
Пустые глаза обездоленных ниш...
Случайный прохожий с понурым лицом.
Кто он, этот путник, завёрнутый в плащ?
Влюблённый поэт, или чей-то палач,
Терзающий жертву свою под окном?..
Мне кажется, всё это было вчера,
Но время не стало жалеть серебра.
Плеснуло оно серебром на виски,
На веки свои наложило мазки,
Прошло по лицу неустанным резцом,

И странное что-то случилось с лицом.
И, вроде бы то же, но в чём-то иное,
Как будто бы кожа иссушена зноем,
Как будто бы песня, да, слов не понять,
Как будто бы рядом, да, трудно догнать,
Как будто бы город заснул в одночасье,
Его пробудить бы, унылость закрасив...
Мой друг, у порога со мною присядь,
Ты слышишь, как ветер потерянно свищет?
Скажи мне, кого он настойчиво ищет,
Гоняя по небу стада облаков?
И переполошен небесный альков.
Кого он сумел в эту ночь потерять?
Быть может, меня?.. Впрочем, кто может знать?
Мне время вернёт неразгаданный миф,
Который, прозрев, попытаюсь понять.
Воскресший спаситель, восток озарив,
Войдёт в этот ставший предвиденьем миф,
Одарит любовью притихших ягнят,
И вмиг расцветёт позаброшенный сад.

1997

* * *

День закончился, стрёкот цикад,
На заросшей тропинке корчится
То ли просто ползучий гад,
То ли ужас худого пророчества.

Воет волком потерянный стыд,
Ищет в дебрях своих сородичей.
А душа, как в огне горит,
Задыхаясь от одиночества.

Что нам пошлость! И что нам грех?!
Угрызений не чувствуем совести.
Мы теряем во гневе тех,
Кто под нас не сумел подстроиться.

Знай, не лучший советчик злость,
Зло источник надежды высушит.

Боже, как бы нам всем не пришлось
Осужденье твоё выслушать.

Боже, правый мой, благослови
Всех нас нашей судьбой униженных,
Инвалидов людской молвы,
И огнём осуждения выжженных.

Боже, дай нам надежды луч,
Чтоб по жизни пройти смиренными,
Боже, правый мой, не обессудь,
Что такое пришло поколение.

Всепрощающ и всемогущ,
Дай нам силу на веру в лучшее.
Пусть сумеет Великая Русь
Дотерпеть до благополучия.

1997

* * *

Две линии горизонта,
Крылатый, разнузданный конь.
Жду восхождения солнца,
Чтоб сбросить прилипчивый сон.
И всадником взмыть над судьбою,
А кто мне в ответ возразит?
Рискую своей головою,
Хотя, ощущаю порою,
Как нож гильотины скользит.

Две линии горизонта,
Полёт в бытие без конца.
Порою сомненья съедают,
Но я не из тех, кто ослаб.
Меня новый день не пугает,
Корявостью чуждою лап,
И путь гордый аист укажет
Туда, где не надо скрывать
Своего обнажённого сердца
От чьих-то безжалостных глаз.
Там вечное царство бессмертья,

Там царствует вечный экстаз.
Я буду летать над судьбою,
И сеять над миром любовь,
Довольным быть снова собою
На ветер бросать меньше слов.
И подниму, коли поднять сумею
На бой со злом всю доблестную рать.
Насколько проще выиграть сраженье,
Чем душу свою слёзно изливать.
Насколько проще, справившись с сомненьем,
Перед любовью опуститься на колени.
Пускай многострадальная Россия
Рождается, чтоб сизнова страдать.

Две линии горизонта,
И, словно бы в день похорон,
Над многострадальной Россией
Вечерний разносится звон.
Злой вестник с усмешкой вручает
Изгою безжалостный меч,
И тайно при этом мечтает
Срубить мою голову с плеч...

1997

* * *

Как только смыкаются веки
В заботах прошедшего дня,
Мне снятся забытые реки,
Которые манят меня.
Мне снятся просторы степные,
И шёпот затерянных рощ,
Мне снятся края, где доньше
Нет лживых, завистливых рож.
Из снов я несу вдохновенье,
Любовью питаюсь из снов,
Но знаю, что в час пробужденья,
Вернусь в этот мир лживых слов.
Вернусь в этот мир, где обманут

С рождения каждый из нас,
Вернусь там, где кажется странным
Лишь тот, кто не пробует красть.
Быть белой вороной, поверьте,
Не каждый сумеет из нас.
И сон, словно листик в конверте,
Ложится в карман про запас...

1997

Остатки...

Дверь открывается...
Веет холодом, озноб...
Это не взбалмошное,
Это не прошлое,
Это остатки снов
Мучают, и мешаются,
Озаряясь, при случае.
Веет холодом слов.
Если чувствуешь желание войти,
Войди. И пусть веет холодом.
Дрожь простибельна.
Не стыдись озноба.
Если хочешь войти, постись.
Войди, но не надейся найти золота.
В этой комнате веет холодом,
И хранятся остатки.
Так что, богаче не станешь.
Если войдёшь без смирения,
Проклянешь своё везение.
Тем не менее, это к лучшему,
То, что там нечего взять.
Веет холодом. Всё в порядке.
Остатки – это не целое.
Но и всецелое – не остатки.
В малом всегда нечто большее.
А в целом не без остатков.
Не поймёшь в чём дело?
Веет холодом? Так, о чём мы?

О никчёмном?
О никчёмном, в котором всё!
Кайся!..
Ведь, дверь открывается...

1997

Последний раз приду...

Последний раз приду взглянуть на Вас.
Прочитана последняя страница,
И хочется пред Вами извиниться,
Как будто бы я влез не в свой рассказ,
Как будто бы мой стих не в ритм ложится.

Последний раз я сердце рву в клочки,
Пытаясь оказаться вне обложки,
Но Ваши слёзы льют не понарошку
С лица на пережитые листки.

Мои предчувствия мне шепчут: «торопись»,
Но Ваша слабость – для меня преграда.
И, хоть, я знаю, мне того не надо,
Я возвращаюсь на последний лист.

Вы моя кара, мой чудесный приз,
Вы моя песня, и стихотворенье,
Вы моя слабость, вы и мой каприз,
Моё затмение, и моё прозрение.

Последний раз приду взглянуть на Вас.
Прочитана последняя страница...
И, как ни трудно, надо нам проститься,
И новый начинать писать рассказ,
Где будут жить совсем другие лица.

1997

* * *

Всего мне сказать не пришлось,
Но листья без слов облетят.
Чьи-то зубы в запое скрипят,
От неверия впавшего в злость.

Мне бы чашу, да, выпить до дна,
Не вина, и не правды хмельной.
Мне бы чашу безумия пить до пьяна,
До горячки! О, Боже ж ты мой,
Не гневись на взъерошенный нрав.
И не важно, я прав, иль не прав,
Лишь бы только нырять с головой,
Радость бездны безумья познав.
Пусть промозглый костлявый сентябрь
По кварталам унылым бредёт.
Всё, как прежде, как будто бы встарь,
Только солнце уже не взойдёт.
И в безумии буду я ждать,
Что придёт мой седой покровитель.
Мою грешную душу летать
Он пошлёт обновлённой орбитой.
Что мне день, что мне сон, или кровь?
Что мне берег иссохшей реки?
Нет ни слёз, нет ни смеха, ни слов,
Засыпают мой город пески.
Слышишь, песню пустыня поёт?..
Ну, а слово?.. Оно подождёт...

1997

* * *

Свет!..
Был он, и вот уже нет...
Остался камень, да, пара строк.
А Ветер? Он так одинок.
Стучится в окна, и мчится вскачь,
То под балконом уткнётся в плач,
То в тихом парке листвой вспорхнёт,
То засмеётся, то запоёт...
Остался в прошлом пустой упрёк,
Который брошен, как уголёк.
Переполошен, но не раздут.
Всё в воле Божьей, часы идут...

1997

Кайся...

Кайся... Ведь в день похорон,
Знай, карой тебе потеря ближайшего друга.
Что там, пророческий сон? –
Вьюга!
И ты над пропастью завис.
Смотри... Вниз.
Голова закружилась?
Что можешь ты знать о своей потере?
По крайней мере
Он был... А ты есть.
И не надо лукавить.
Чёрный вестник принёс злую весть,
Которую не исправить.
Жизнь – вдрызг! Пей до дна!
И не прячь ничего на похмелье.
Пусть качает тебя луна
В неземной колыбели.
Но отныне не будет сна,
Будут муки.
Нет цены заплатить за грех –
В суете забываем близких.
И за них, нас покинувших, всех,
Мы, заламывая в горе руки,
Падаем непомерно низко.
Но, упав, льнём к родимой земле,
Чтоб дала нам немножко силы,
И, чтоб вываляв нас в золе,
Все грехи наши замолила...

1997

Розовый фламинго

Мой розовый фламинго
Ещё не прилетел в мою судьбу.
И я бреду по улицам пустым своих творений.
Ищу прозрения, дурных привычек пленник,
Пытаясь разорвать нависший небосвод.
А жизнь спешит, за годом оставляя год,

И ни следа, ни слёз, ни осужденья...
Лишь только на стене, причудливо рисуя тени,
Увядших от беспомощности роз.
Быть, иль не быть? – А только ль в том вопрос?
Быть, иль не быть, и помнить ли об этом?
Любить, иль презирать?
Помиловать ли тех, кто заблуждался?
А, может быть, в порыве доброты
На смерть зацеловать?
Ну, что ещё? Быть, может, воспарив,
Построить дом, или засеять в радость поле?
Ещё сильнее, кого-нибудь родить.
Но, может быть, важнее осознать,
Ради чего... на этом свете жить...

1998

* * *

Как много слов!..
Пред ними устоять совсем не просто,
Коли, врата закрыты.
И мокрый снег ложится на тетрадь
Слезами, что в отчаянье пролиты.

Суровый нрав земного бытия
Нам очищает горестные души,
Чтоб в Судный День небесный наш судья
Без гнева наши исповеди слушал.

Мой добрый друг, о чём поют цветы,
Склонив головки над землёю низко?
Быть может, чувствуют,
Что Судный День тот близко.
А наши души всё ещё пусты...

1998

* * *

Остановись, чтобы познать себя.
Ты слышишь, как вздыхает твоё сердце?
Оно устало от стремления вперёд,

Вращаясь в бесконечной круговерти,
На каждый отзываясь поворот.
Ему бы биться, искренне любя,
И обретать душевное бессмертье.
Остановись, чтобы познать себя.

Сумей в себе врага преодолеть,
Из глубины извергнув всепрощенье.
Оно стремится вырваться из пут,
Которые сплели ему сомненья,
И вырваться из сердца не дают.
Но, чтоб пред Судным Днём ещё успеть
Очиститься в духовном озареньи,
Сумей в себе врага преодолеть.

Я не пророк, не ангел и не бог,
Я лишь смиренный узник неведенья.
Но призываю всех стать на колени,
И лики, обративши на восток,
Раскаиваться в прошлых прегрешеньях,
Чтоб Божий Суд не стёр нас в порошок.

1998

* * *

Оглянувшись, и не найдя себя,
Не удивляйся.
Разве ты забыл, что тебя уже нет?
Не навсегда, а только на данный момент.
Поэтому не теряйся,
Ведь ты ещё не родился.
Такая вот штука.
Так что не теряй присутствия духа.
Впрочем, при отсутствии тела,
Это всё, что у тебя осталось.
Может быть, не так уж и мало.
Не мучайся – возвращайся.
В этой жизни я по тебе соскучился.
Выбирай родителей, и рождайся.
Наслаждайся при этом,
Ведь, после рождения

Жизнь пролетит, как одно мгновение.
Наша вечная жизнь,
Где ты постоянно рождаешься.
С каждой жизнью меняешься.
И при жизни меняешься.
Что-то находишь, кого-то теряешь.
Радуетесь, плачешь, и умираешь,
Чтобы снова родиться.
И в такой бесконечности
Ты каждый день разный.
Иногда, смешной, но порою,
Бываешь важным,
Забывая о вечности.
Впрочем, (что там!)
Бываешь весёлым, и жизнерадостным,
Беспристрастным, и, даже, опасным.
Загляни внутрь себя, и откроешь
Целый мир, где много разного,
Ни на что не похожего,
И оттого прекрасного.

1998

* * *

Жизнь – судеб человеческих вертеп,
Простых, и перекрученных страстями,
Невыносимых, если правит гнев,
Терпимых, если милость всё же с нами.
Безбрежный всплеск надежды дарит нам
Любви и веры призрачное счастье.
Дели то счастье с другом пополам,
Не опасаясь разделить его на части.
Оно всегда полно само собой,
И, сколько бы его мы не делили,
Оно всегда останется с тобой,
И с тем, кого им щедро одарили.
Оно крылато, и дано для всех,
Кому не ведомы пороки вождельня,
Кто не отчаялся, в огне любви сгорев,

И для познавших в покаянье утешенье.
Весь мир для тех, кто жертвует собой,
Для веры и любви самосгорая.
Ведь пред вратами царственного рая
Они предстанут с чистою душой.

1998

* * *

Не важно то, что разделяет нас,
Жизнь не кончается с заходом ранним солнца.
Мы где-то за пределами сегодняшнего дня,
И где-то за пределами пространства,
Неразделимо близкие под заревом огня,
Вне времени с тобою остаёмся.

Вне времени, а, значит, вне судьбы.
И пусть невзгоды нас с тобой разделят,
Неразделимы мы на плане бытия,
И в это я, по крайней мере, верю.
И, вопреки судьбе – потеха ты моя,
А не, увы, как думают, потеря.

Знай, важно то, что держит нас с тобой
В неразделимых пламенных объятьях.
Любовь и вера завтрашнего дня,
Надежда заблудившегося счастья.
И тот далёкий мир зовёт меня,
Превратностям судьбы не покоряться.
А также, как в безвременьи души,
Огнём любви, как прежде, озаряться.

1998

Таёт снег...

Таёт снег...
И, хоть, солнце ещё не жаркое,
Таёт снег, растворяя шаги в тиши.
Таёт снег, в переулке, ногами шаркая,
Старый дворник во двор спешит.
Он такой же, как я, потерянный,

Он такой же усталый изгой,
В кровь истерзан своим неверием,
Я ж терзаюсь самим собой.

Знаю, трудно свой пыл обуздать,
Не в рассвет, не в закат, не на злость,
Я не стану себя убеждать,
Что, возможно, случайно сбылось.
Наяву, или только во сне
Таает, таает тот снег во мне...

Таает снег...

Может, в этом моё искупление,
Таает снег, день за днём в мольбе.
Таает снег, словно благословение,
Я вернусь, моя радость, к тебе.
Не вини, не ищи оправдания,
Мне опять уходить с сумой.
И свобода, моё призвание,
Будет молча ходить за мной.

Знаю, трудно свой пыл обуздать,
Не в рассвет, не в закат, не на злость,
Я не стану себя убеждать,
Что, возможно, случайно сбылось.
Я не стану бывшего менять,
И ошибок судьбы избегать.
Наяву, или только во сне
Таает, таает тот снег во мне...
Таает, таает тот снег в тишине...
Таает снег... Во мне...
Таает снег...

1998

Поверх золота

Поверх золота сон красным
Ввергнет в пропасть печаль мою.
Только эта жертва напрасна,
Я в надрыве ещё спою.
Голос сдавлен плитою мраморной,

Сердце плачет над гладью вод.
Весь истерзан былыми драмами,
Ускользаю от бьющих влёт.
И душа непоседа-странница
Снова крылья подарит мне.
День за днём мой полёт протянется,
Чтоб однажды сгореть в огне.

Сон распустит мои волосы,
Дрожью канет в объятья губ,
Как заклятие снять мне с голоса,
Чтобы не был бы так он груб?
Как заклятие снять мне с вечера,
Чьё лицо занавесил дождь?
Свою песню возьму за плечи я,
Ты меня вместе с ней найдёшь.
Этот день, как пудовый молот,
Наковальной душа поёт.
Пусть, мой дух будет вечно молод,
И продлится в мечту полёт.

Поверх золота пусть будет красным,
Той печали мне не жалеть.
Я такой же, как прежде, страстный,
Мне над жизнью ещё лететь.
Мне гореть, мне пылать, мне плавиться,
Мне рыдать, мне скулить во сне.
Этот мир почему-то мне нравится –
Он такой же, как я, в огне.
Он такой же, как я, праведник,
Только вдруг, как и я, позабыл,
Что по тихой брести заводи,
Не всегда нам хватает сил...

1998

* * *

Кто позабыл о завтрашнем огне,
Который опалит восторженное сердце?
Кто позабыл, как был, как жил во мне
Поющий и танцующий паяц,

Что для толпы скучающих зевак
Являл собой иллюзию бессмертья.
Кто позабыл о завтрашнем огне?

Он не иллюзия, ступай за ним,
За временем, сгоревшим, поспеши.
Оно недалеко успело убежать,
Проснись, коль спишь...
Встряхнись, коль ленью оказался опылён.
Очарованьем вдохновенья окрылён,
Не пробуй убеждённых убеждать.
Ступай за пламенем, ступай за ним...

Кто позабыл о завтрашнем огне,
Довольствуясь затравленной жизнью,
Которая, как маятник, идёт туда-сюда?
Порою, мчится мимо нас подбитой ланью,
Порою, обращаясь к покаянью,
Трепещет в ожидании суда.
Не забывай о завтрашнем огне...

1998

* * *

Дом пуст...
Пылятся неумытые тарелки,
Паук уныло завершает труд,
Опутав паутиною похмелье.
Вернётся ли к нему
Когда-нибудь смирение?
Дом был хронически пустым,
Как опустевший пруд,
Как рок, как идиотский смех,
Бредовый смех,
Который, облачаясь эхом,
Раздваивался, цвёл,
И падал в пустоту
Расколотым орехом.
Дом пуст...
Пора писать, пожалуй, мемуары,
Где правды нет, и не было, увы.

Назло заиндевелым идеалам,
И слогу выпреренной людской молвы,
Я снова буду безнадежно врать,
С издёвкой настрою памфлеты.
Читай, хвали, не первый я такой.
А то, что правды не было и нету...
Пусть, кто безгрешен, наш покинет строй.
Таких немного. Лжи макулатуры
Успели пустозвоны наплодить.
Пустыня.
Ночь.
Пески...
Пустые от запоя наши души,
Как прежде, изнывают от тоски.
И оттого, всё чаще пули-дуры
Дырявят опустевшие мозги.
Дом пуст...
Немой оскал продажной шлюхи
Сквозит в туманном отражении окна.
Душа моя отчаяньем полна,
И оттого пьяна,
А, может, с голодухи,
В предчувствии несбыточного сна.
Дом пуст...
Дом пуст...
Дом пуст...
Не странно ли?
Не странно...
Тишина.

1998

* * *

Не подноси бровей, нас выбрала судьба,
На утренней заре уйти в покой навеки.
Пусть пуст ночной вокзал, не открывай глаза,
Почувствуй тихий вздох восторженного сердца.
Оно сгорит в огне, и заискрится снег,

Дыханием своим посеребрит он веки.
Постой, мой друг, постой!..
Что принесёт покой?
Не надо покидать вчерашнего уюта.
Сегодня день, как вскрик,
Сегодня день, как звук
От лопнувшей струны прошедшего похмелья.
Сегодня не поют, но помнят, как вчера
До самого утра
Без тормозов мы пели.
Пусть грезится навзрыд, дай волю небесам,
Пускай они тебя немного приласкают.
Как хочется любви, как хочется тепла!
С заснеженных ресниц пускай снежинки стают.
И также, как вчера, хотя бы, как вчера,
Пускай искрится снег! Пытаются ветра,
Как будто невзначай, насквозь судьбу пронзить
Колючими руками.
Нам нужно жизнь прожить,
Пусть будет, как вчера. Хотя бы, как вчера.
Чтобы к устам прильнуть горячими устами.

1998

* * *

Посыпаем золою своё ненавистное сердце,
При этом, замечу, не стали сильнее любить.
Не умеем прощать, не умеем прощенья просить,
Не умеем прощаться с друзьями, поверьте,
Не умеем дружить.
Не умеем быть ниже травы перед Богом,
Не умеем терпеть, не умеем от сердца страдать,
Не умеем хранить, не замедлим друг друга предать,
За мечтою своей не спешим отправляться в дорогу,
Не готовы искать.
Так сомненья, до лиха, откуда,
Если мы постоянно грешим?
Дремлет в каждом из нас свой Иуда,
Возрождаем преступный режим,

И лелеем рассадники блуда.
Так, кто мы? И где воспитали в себе отвращенье
До таких же пропащих, как мы.
Отрекаемся вновь от сумы,
И терзаем свой разум сомнением –
Кто мы?
Не умеем признаться в ошибках,
И равняем других по себе.
В нашей многострадальной судьбе
Места нет безмятежным улыбкам,
Распинаемся, как на дыбе.

1998

Христос воскрес!

Нет больше слёз, нет больше муки,
Христос воскрес, и вышел на амвон.
И мы возьмём его распятие в руки,
И гнев из душ своих прогоним вон.
Христос воскрес! Воистину воскрес!
И в наших душах выстрадал разруху.
При искуплении мы обретём с небес
Любовь, надежду, веру, и, конечно, муку.
Пусть день за днём мы суд над злом вершим,
Забыв, что осуждение – прегрешенье.
Но Бог велик, и всем нам от души
Подарит снова он своё прощенье.
Чтоб согрешивших не попутал бес,
Вернулся, свою клятву не нарушив,
Христос воскрес! Воистину воскрес!
Великий день приходит в наши души.

1999

* * *

Только ли нам заблуждаться?
Или, забыв о былом,
С рассветом в безбрежье податься,
Чтоб не сродниться со злом?
Наш выбор не внемлет рассудку,

Расправу над верой вершим,
И гасим в угоду желудку
Порывы безгрешной души.
Божественный дар покаянный
Транжируем назло естеству,
В отчаянный миг расставанья,
Вновь бредим с тобой наяву.
Врачи не сумеют помочь нам,
Боже праведный, подскажи,
Сколько жить нам ещё в мире склочном,
Где нет правды, одни миражи?
И, запутавшись в путах иллюзий,
Безнадёжно впадём в забытьё.
И живые лишь только наружно,
К эшафоту, как зомби, пойдём...

1999

Глоток вина

Несчастный вор, укравший мой покой,
Ты будешь мучиться, как я, бессонницу познавший.
Я с Божьей помощью, прощу,
Но ты, мой дорогой, прощение снискавший,
Поймёшь, как трудно избежать раскаянья за зло.
И пусть пройдёт с тех пор немало горьких лет,
Но сколько б ни прошло,
Пред Господом держать тебе ответ за злое ремесло.
Неважно, что давно следы затёрты преступленья,
Забывать не суждено грехопаденья.
Боль угрызений совести не даст спокойно спать,
Листай страницы повести, но не сжигай тетрадь.
Не пережить неверия, закрой своё окно.
Но совесть – не похмелие, не заглушить вином.
И верится, не верится, но страннику поверь,
Что в тихом старом скверике найдёшь в прощенье дверь.
Молись, и всё устроится, как пожелает Бог,
И на страницах повести простится между строк...

1999

Магический расклад

В вечерней полутьме, сомкнув уставший взгляд,
Гадалка отрешённо замирает.
Ложится на сукне магический расклад,
Пророчества Великих повторяя.
Девятками пестрит и стол, и календарь –
Угроза перевёрнутых шестёрок
Нам предвещает нежеланный дар
От негодующей подземной злобной своры.
Нам предстоит познать невыносимый жар,
Во славу сатаны, прорвавшийся из пекла,
Таков расклад неумолимый карт,
Который выпал нам на склоне века.
Тех карт цыганкиных магический расклад
Нам раскрывает суету сует Вселенной.
И в этой суете, как сон, века летят,
А мы грешны, как прежде, неизменно.
Всё меньше времени на то, чтобы решить,
Какой нам выбрать путь, в преддверии Суда –
Иль, продолжать в безумии грешить,
Или наполнить милостью планету навсегда.

1999

* * *

Если снег занесёт перевал,
Упаду, ослабев, на колени я,
Опоздавший на свой день рождения,
Там, где горы в разливах огня.
Но прекрасен тот край, тем не менее,
Край, который чарует меня.
С неуёмным восторгом бреду,
Покоряя безмерность простора.
Ждут отчаянных синие горы,
Может быть со скалы упаду,
Только нет в том, поверьте, позора,
Я на склоне покоя обрету.
Этот день не сулит мне конца,
Пусть закрыта дорога в грядущее,

В ожиданье погоды помучаюсь,
Но не буду играть хитреца.
Соревнуясь со снежными кручами,
Словно зверь не пойду на ловца.
Пусть стаканы пустынно звенят.
Я на трапезный пир опоздал,
Укатил дилижанс без меня,
И спешить ни к чему в свете дня
На покинутый богом вокзал.
Мне спешить ни к чему –
Я вморожен в гранит.
Но следами моими другой поспешит.
Только снег завалил перевал...

1999

* * *

Вижу хищный оскал ненасытных клыков,
На охоту за мной вышли сотни волков,
Слышу хохот надменный седых вожаков,
И прислужливый визг неразумных щенков.
Знаю, сотни шакалов за ними идут,
И в угоду волкам дифирамбы поют.
Ждут остатков обеда, или шерсти клочка,
После волчьего пира заморить червячка.
Но и я не ягнёнок, хотя и не лев.
И моя территория не похожа на хлеб.
На неравную схватку я выйти готов,
Чтобы свору уменьшить на пару голов...
Знаю, всё безнадёжно, под клыками паду,
Только мне не гореть после смерти в аду.
Я паду, защитить свою жизнь не сумею,
Но постигнет ту свору Божественный гнев.

1999

* * *

Не провоцируй узника свободой,
Или сними оковы с ног и рук,
Он осуждён от имени народа,

Но волей этого народа слуг.
Он осуждён на вечные скитанья
В заснеженной пустыне бытия,
Где не законы правят мирозданья,
А правит уголовная статья.
Где каждому изгою по пустыне,
И цепи покаянья на ногах,
С прогорклым, терпким запахом полыни,
Слезами политый, и опустевший шлях.
Кому-то может странным показаться,
Что на обочинах покинутых дорог
Не тормозят народ весёлые паяцы,
А лишь глашатай свой оттачивает слог.
Он обещает вечную свободу
За души тех, кого влечёт покой,
На веки вечные хорошую погоду
Он сделает, махнув своей рукой.
Подарит людям вечное блаженство,
И каждому отдельный райский сад,
Где воцарит навеки совершенство,
И, наконец, наступит вечный лад.
Взамен лишь нужно посадить на троне
Какого-то большого мудреца,
И разрыдается от радости невольник,
Поверив истине прожжённого лжеца.
И нового вождя всего народа
Восславит, основного не поняв,
Что не в словах предательских свобода,
А в мыслях, и особенно в делах.

1999

* * *

Мир сошёл с ума,
В ожидании конца света.
Позади осталась зима,
Но конец назначен на лето.
Кто-то мудрый назначил срок –
Не судья, а какой-то пророк.

И от этого мир сошёл с ума,
В ожидании конца света.
Не Чукотка, не Кострома,
Загибается вся планета.
Обалдевшие люди дрожат
От избыточной дозы страха,
И противные глотки визжат,
Обещая всем нам плаху.
Грешный мир сошёл с ума,
В ожидании конца света,
Только верю, что злая тьма,
Не сумеет достать билета
В наш нелёгкий, но нужный мир,
Где пока не любовь командир.

1999

Миллениум

Вот и новый Миллениум встал у порога.
И на стыке значительных вех,
Не ищу оправданья былому,
А бросаюсь лицом я в снег.
В снег лечу с головою отчаянно –
Две эпохи переплелись.
Тыщу лет о таком мечтали мы,
Чтоб в глаза нам – одни нули.
Новый год, он такой же обыденный,
Только очень нулями богат,
Через это людьми ненавидимый,
Мол, нули катастрофы сулят.
Только мне почему-то не верится,
Что наш горестный мир умрёт.
Как вертелась Земля, так и вертится,
А конец ей никак не придёт.
Пусть Земля ещё долго вращается,
Не взирая на злые пророчества,
Смерть компьютерная отменяется,
Виртуальность – не обесточится.
Предстоит нам и дальше стариться,

Пережить ещё много кризисов,
И не стоит пока печалиться,
В ожиданье Апокалипсиса.
Нам с Миллениумом таинственным
Ещё жить предстоит, и мучиться,
И искать предстоит истину,
Может быть, и получится.

1999

* * *

Слово за словом, строка за строкой,
Пишем за счастье, и за упокой.
Нежность и снежность души напоказ,
И на расстрел выставляем не раз.
Пишем, строчим, и терзаем блокнот,
Чтобы душой устремиться в полёт...
Но в этом полёте сгораем до тла,
Такая, брат, песня, такие дела.

2000

Ко мне возвратишься...

Ко мне возвратишься ночью порой из Бразилии,
Оставишь свой зонтик в прихожей стекать от дождя.
Когда-то с тобою мосты за собою спалили мы,
Но ты возвратишься ко мне даже годы спустя.
С усмешкой пройдёшь по паркету забытой гостиной,
Возришься на старый, но очень родной интерьер,
Как прежде, на стенах ютятся всё те же картины,
За окнами спит всё такой же задумчивый сквер.

Ко мне возвратишься ночью порой из Бразилии,
Губами мазнёшь по знакомым небритым щекам.
Касания этого щёки ещё не забыли,
Зардеются лёгким румянцем те щёки слегка.
Волнительно губки свои невзначай приоткроешь,
И скажешь: - Привет, дорогой! – Я отвечу: - Привет!
Какими судьбами? – Да, так, мимолётом. Не скрою,
Скучала чуть-чуть, столько зим пролетело, и лет.

Ко мне возвратишься ночью порой из Бразилии,
Халатик набросив, ты в спальню пройдёшь босиком.
Где столько бессонных ночей мы с тобой проводили,
Порхая, как бабочки, трепетно под потолком.
Мы мерили вёрсты, кромсали своё вдохновенье,
Друг дружке секреты всегда доверяли сполна,
Но ты улетела, а я, как всегда, в воскресенье,
На пару с собой напиваюсь, как сволочь, вина...

2000

Спит душа

Снова жизнь меня отправила в дорогу,
Не по диким тропам, не в горы, не в пески.
В городских кварталах разминаю ноги.
Чтоб сон свой разогнать, я тру виски.
Мне б на Кэмел-трофи разбивать машину,
Скалы в связке с другом покорять бы мне.
Иль шестом толкаясь, плот рулить в стремнину,
Иль по полю мчаться не гнедом коне...
Только жизнь порою запряжёт уздою,
И кнутом загонит в непролазный быт.
Встречи, телефоны, автобусы, вагоны.
А душа при этом непробудно спит.
Что там, скалы, реки! Подождут пустыни.
Насыщаем тело водкой и жратвой.
И в дебелим трансе спим перед камином,
Сами стать готовые каминною золой.

2000

* * *

Промозглый ветер, и нелетний дождь,
Автобус шинами шуршит по автобану.
И вроде смотришь, но не узнаёшь
Холмов своей отчизны покаянной.
И, как узнать, когда пейзаж чужой,
К которому не прикипел своей душой?
Немеччина – чудесная страна,

Но только вот, увы, не для меня она.
Здесь и порядок, здесь и чистота,
И уровень житья на пять с полтиной.
Вот только души распинают на крестах,
Перед тельцом сгибая свою спину.
И пусть они создали благодать,
И пусть стремится к ним толпа народу,
Но Русь умом им, всё же не понять,
И нашу русскую не воссоздать природу.

2000

Ганновер

Утро. Ганновер. Вокзал.
Небо хмурится, непогодит.
На перроне окурков завал,
И обёртки гурьбой хороводят.
Озираюсь. Суета сует.
Провожающие, отъезжающие.
Кто-то шарит в карманах билет,
Кто-то смотрит так, понимающе.
Кто-то топчется, не спеша,
Кто-то мчится вдогонку, охая,
Кто-то рожцы корчит, смеша,
Свою спутницу кареокую.
Рядом «Кэмэл» сосёт старик,
Соревнуйсь с трубой выхлопной,
Чей-то сонный размазанный лик
Всё маячит передо мною.
Серость. Смог. Суета сует.
Спит Ганновер, вокзал, предместья.
В Билефельд я беру билет.
Там проснётся моя песня.

2000

Странное лето

Разгоню облака, с ветром буду на «ты»,
Приглашу я на вальс полевые цветы.
Я уйду в никуда, чтобы стать сразу всем,

В позолоте заката найду много тем.
Я крылами взмахну, вырываясь из стен,
И пускай над полями забудется рефрен.
Ритм доверчивых песен, стихов и поэм,
Обделённых любовью поднимут с колен.
И незримой букашкой открою зарю,
Пусть послушает лес серенаду мою.
Ненароком к тростинке я сердцем прильну,
И берёзку в объятьях своих изомну.
Я такой же, как все, только верю в мечту,
И уносится с нею душа в высоту.
Дух мой вольный от зла, над Землёю парит,
Оболочка в огне предрассудков горит.
Это лето так странно глядит с высоты,
Мы над призрачным миром парим: я и ты !..

2000

Такая история

Откуда сочувствие?
Друг, ведь, ты знаешь не более,
Чем мог рассказать
Этот странный пропойца-старик.
Такая вот вышла,
Ужасная, друг мой, история,
Которая в сердце моём
По ночам возникает, как вскрик.

В горах полумрак
Поглощает быстрее, чем лавина,
А нам всем по двадцать,
Наивным и молодым.
С задором несли мы
Палатки от самой долины,
И верили свято,
Что пик тот мы все покорим.

Суровые горы
Нас встретили без оптимизма,
Но верили в свой мы

Незыблемый, гордый девиз:
На пик приведёт нас
Любовница наша Харизма,
На крыльях её мы, конечно же,
Спустимся вниз.

И так, шаг за шагом,
В кровь пальцы свои раздирая,
Мы лезли на пик,
Свои жизни поставив на кон.
Не выдержал крюк,
И повис между адом и раем
Мой друг, уцепившись
За серый, безжизненный склон.

Тот день стал для нас,
Словно горькая чара похмелья.
Нас с крюков срывая,
Сдирало в ущелье с горы.
С победой домой
Мы вернуться с друзьями хотели.
Но слишком слабы
Оказались для этой игры.
Сломаться не диво,
Не каждый из нас из гранита.
Старик тот, пропойца,
Спивается не от балды.
Вершина суровая
Пóтом и кровью полита,
А мы не достигли
Заветной своей высоты.

Нам скалы не мстят,
Просто, видимо, мы не готовы,
Порой, штурмовать
Непокорные стены вершин.
Но, челюсти стиснув,
За штурм принимаемся снова,
Сомнения оставив,
Цепляем за линь карабин.
Допустим, тебе

Непонятны мои откровенья.
Да, что там, кляни
Молодую, задорную кровь.
Но только не встану
Пред горькой судьбой на колени я,
Достаточно много
Она снимала голов.

2000

* * *

Я в девственных дебрях сомнений
Ищу вдруг иссякнувшей веры.
Что сердце? – Оно нынче в лени,
А я лишь безропотный пленник
Химеры.
Умею пить, есть и дышать,
Умею безмолвно лежать,
Могу обо всём позабыть,
Грустить, улыбаться, лю...
«Быть, или не быть –
Вот в чём вопрос!»
Любить, иль не любить –
Вот в чём альтернатива.
Ты где-то рядом – я ещё в былом.
И мы с тобою словно трут с огнивом.
И коль уйдешь ты, знай, не оброну
В порыве горя слёз,
Лишь, на пороге страха брошу я игриво,
Мол, ты, красавица, мне сердца не сожжёшь.
Сторю я молчаливо.
И что мне сердце? Что мне неба синь?
Ведь без любви, что за вопрос? –
Совсем не будет важно
Каким я был, и, Боже, стал каким...
Ведь там, где нет ни зим,
Ни плачущих берёз,
Мой дух покинет тело поступью вальяжной,

И унесёт меня туда, где вечный свет.
Вот на вопрос извечный – мой ответ.

2001

* * *

Где-то ветер срывает листок,
Где-то снег, где-то дождь, где-то шторм.
Взор усталый сверлит потолок,
И тоска напролом.
Жизнь в надрыве, и смерть за плечом
Начинает кроватью скрипеть.
Ночь витает немим палачом,
Всё равно, лишь бы так не терпеть.
Пусть уйду я в ничто,
Пусть обрушусь в поток.
Пусть порхну бестелесной душой
В потолок.

Без любви и трава не растёт,
Без любви не растает и лёд.
И рассвет, не рассвет без любви.
Увы...

Ведь, любить – это, значит, мечтать,
И рассветы с любимой встречать.
Ведь, любить – над землёю парить,
Ведь, любить – это, значит... любить.

Где-то ветер срывает листок,
Где-то снег, где-то дождь, где-то шторм.
Взор усталый сверлит потолок,
А любовь – на потом...

2001

* * *

Крылья мои устали,
И я сейчас упаду.
Душа моя на пьедестале,
Но тело горит в аду.
Я ангел, хотя и падший,

Твой грех на себя беру.
И святость свою предавши,
В мучениях я умру.
Но каяться не намерен,
Пусть всё будет так, как есть.
Любви своей буду верен –
До капли отдамся ей весь.

2003

* * *

Они слушают только себя,
Я им внимаю.
Себе дифирамбы слагают и льстят –
Понимаю.
Нос задравши по жизни степенно идут,
Пропускаю.
Здесь и сейчас для них важен уют –
Я зеваю.
Все они самомнения гении –
Не колышет.
Им судьба предвещает забвение –
Не слышат.

2004

Ночь

Мне жизнь моя осточертела,
Когда вокруг полно жулья.
Душа совсем окостенела,
Не в силах выдержать вранья.
Пусть я живу на всю катушку,
Но лишь потухнут небеса,
Как ночь берёт меня на мушку,
Чтобы пронзить мои глаза.

Ночь, ночь...
И от неё мне не уйти прочь.
Ночь, ночь...
И мне невмочь.

Я заворачиваюсь в небыль,
Чтоб тело не терзала ночь.
И уйду куда-то в небо
От своего сознания прочь.
Пусть буду расщеплён на части,
Пусть растворён в ночной тиши,
Но я избавлюсь от несчастья,
Остаться вовсе без души.

Ночь, ночь...
И от неё мне не уйти прочь.
Ночь, ночь...
И мне невмочь.

Вернусь я утром в своё тело,
И окунусь в шум бытия,
Помчусь в заботы оголтело,
Как будто я, совсем не я...
И жизнь меня возьмёт за горло,
Чтобы не крикнуть, не вздохнуть.
И снова кто-то будет гордо
Своею ложью тыкать в грудь.

2004

* * *

Господа, товарищи, граждане,
Отвечайте, нужна ли вам память?
Может, вам по любви каждому
Через рутину и быт впарить?
И тогда побежите со свечками,
Март, апрель и февраль отхаживать,
Через тернии и расстояния
Мир любовью своей ошарашивать.
И зимою, и, может, осенью,
Мы по горлу бритвою сразу.
Ведь любовь, хоть её не просим мы,
Заставляет терять нас разум.

2004

* * *

В вечности только одно неудобство,
Не успеешь привыкнуть к соседям,
Как уже пора уходить.
Чтоб без лишних, ну, понимаешь, вопросов.
Без обид, почему всё тебе одному,
Почему не для нас эта вечная жизнь.
В вечности только одно неудобство,
Как ни старайся, не удастся грехов замолить.
Можешь лоб расшибать свой в день эдак раз по сто,
Но забыть про грехи не удастся,
И с этим приходится жить.

2006

* * *

Мне говорит душа – оставь сомненья,
Уйди в рассвет, и растворишься в цветенье.
Там не найдёшь товарищей своих,
Но будешь помнить ты всегда о них.
Уйди в рассвет, и дай врагам тепло,
Чтобы их души не хранили зло.
Дай воинам по жизни вечный мир,
И успокой отчаянных задир.
Потерянным дай веру в торжество,
Не обдели любовью никого.
Отдай себя деревьям и цветам,
Уйди в рассвет, чтобы остаться там.

2006

* * *

Мы с тобой родились неспроста,
Где-то там, на различных планетах.
И меж нами звенит пустота,
Где ни тьмы абсолютной, ни света.
Так Создатель когда-то решил,
Чтоб не дать нам надежды на встречу.
Но в стремлении пылкой души
Пустоты на пути не замечу.

И планету свою устремлю,
Не внимая вселенским канонам.
К той, которую сердцем люблю,
В моём мире от всех потаённом.
Но реальность – не то, что мечта,
Если встретятся наши планеты.
Не останется даже следа.
Только взрыв с переливами света.

2006

* * *

Шёпот ветром скользнул,
И меж листьев пропал,
Поигрался, и снова
Себя потерял.
То ли был он,
То ль небыль
Мазнула крылом,
И, как ветер игривый,
Пропала в былом.
Я слова разобрал
В этом вскрике без слов.
Кто на помощь позвал
Из чарующих снов?
Кто ознобом пронзён,
И от света укрыт?
И кому этот сон
За несбыточность мстит?
Я услышал...
И верь, я на голос приду.
Помогу сбросить кокон,
Беду отведу.
В своём сердце, родная,
Совет мой храни –
Вера в свет разрушает
Тяжёлый гранит.

2007

Ты позвонила...

Ты позвонила, как бы между прочим:
- Ну как дела, Mon Cher? По-прежнему один?
- Да жизнь, моя любимая, не очень,
Скриплю себе, прибавилось седин.
- Не ври, небось от женщин нет отбоя.
- Ну... не без этого, - я не моргнув соврал.
Ведь не рассказывать тебе, как волком вою,
Вперяясь в фотографии овал.
Скользишь по жизни словно королева:
Монако, Лондон, Вена и Париж.
А я в твоей судьбе, как будто, небыль,
Мелькнул перед глазами, словно стриж.
- Mon Cher, признаюсь, по тебе скучаю.
- Какого чёрта, - я рычу в ответ.
Но в руки взяв себя, степенно отвечаю:
- Признаться, до того мне дела нет.
Ты меня знаешь, шастаю по бабам,
Пью горькую, и анашу курю.
Ты тоже отрываешься не слабо,
Бывай! За память... я благодарю.
И снова дни постылые до боли,
И годы в ожидании звонка.
Ты позвонишь, но снова поневоле
Тебе скажу: - Нет времени. Пока!

2007

Я дойду

Взмах меча. Свист стрелы. Боль.
Устоял. Кровь течёт струёй.
Конь мой пал. Ну а мне позволь
Взять твой посох, отец святой.
Пусть врагов на пути тьма,
Я смогу. Я дойду. Доползу.
Пусть на бой выйдет Смерть сама,
Я её разорву. Загрызу.
Снова шаг – и копьё в плечо.
Застилает глаза мгла.

Кровь стекает уже ручьём.
Но я буду стоять, как скала.
Воин Тьмы, выходи на бой.
Что ж ты бьёшься из-за угла?
Я не пал, я ещё живой,
Хоть, и в сердце моём стрела.
Меч в руках моих словно звон,
Жизнь моя – это вечный Свет.
И пускай Тьма со всех сторон,
Но во мне этой Тьмы нет.
Шаг за шагом. Вперёд. Шаг.
Я иду, раздвигая Тьму.
А в глазах у врага – страх,
И меня не унять ему.
Он секирой разбил мой щит,
Он когтями – в глаза – мне.
Череп мой от ударов трещит,
И сгорает душа в огне.
Только знаю. Дойду. Доползу.
Пусть разодранный на клочки.
Смерть, отстань, я тебя загрызу.
Не маячь! Я живой... почти.
Пусть меня окружают кресты,
Не бросаю на ветер слов.
Я дойду к тебе – Ангел Мечты.
Свет мой – Вера, Надежда, Любовь.

2007

Каждый стих...

Каждый стих мой – стих,
Над полночной рекой,
Ты, душа моя, отпусти
Свою горечь на вечный покой.
Хоть, земля подо мной не горит,
И чиста у меня совесть,
Но душой – я в забытый скит,
От себя самого укроюсь.
Я с надеждой и верой любил,

И друзей своих не предавал,
Без оглядки назад я жил,
И в колодец чужой не плевал.
Если близок мне был друг,
Я стихи для него слагал,
И не прятал лица и рук,
Если шёл поразить врага.

И не плакал от боли навзрыд,
Со спины получив стрелою.
Был я предан, но не убит,
Был сожжён, но не стал золою.
Ветер крылья мои сломал,
В сердце вбились слова-спицы...
Я на острые камни упал,
Но от боли не стал виться.

В сердце били десятки стрел,
Вороньё предвкушало ужин.
Я ж стоял, и молча смотрел
На того, кто продал дружбу.
Он не знал, что убить любовь
Не удастся лихим наскоком.
Я ж, теряя свою кровь,
Над своею наивностью охал.

Под ногами земля не горит
У того, кто продал друга.
И не мучит его стыд,
И одежду не рвёт вьюга.
Ходит он по земле, по росе,
И клеймом на лице не отмечен.
Он такой же почти, как все,
Но душою своей покалечен.

Моё тело – на части порвут
Ненасытные в злости гиены,
Но душа ускользнёт от пут,
Чтобы выстрадать боль измены.
Но душа моя будет жить,
Чтобы горечью упиваться,
Будет правдою вере служить,

И с надеждою не расставаться.
Если б только я раньше знал,
Как горька без одежды правда,
Я бы ангела Смерти позвал,
Чтоб вручил мне свою награду.
Чтобы дал пустотой до дна
В полной мере мне насладиться,
И, чтоб я от того сна
Никогда не сумел пробудиться.
Нет, бежать от судьбы не могу,
Всё, что было со мной, я приемлю,
Всё, что верил, любил – сберегу,
Всё, что проклял – зарюю в землю.
Пусть не смог я себя обрести,
Пусть предательство друга узнал.
Каждый стих мой – стих,
И молитвою стал.

2007

Он не для наград

Он мне друг и брат,
Был всегда со мной.
И не для наград
Принял смертный бой.
Пусть совсем не свят,
За товарища
Взял на грудь разряд
Убивающий.
И стоит у врат,
Без понятия,
То ли рай, то ль ад,
Готов принять его.
Он скалой стоял,
Побледнев слегка,
И стрелял, стрелял
В своего врага...
А потом устал,

Гордый взгляд потух,
Вниз лицом упал,
Ипуская дух.
И стоит у врат,
Без понятия,
То ли рай, то ль ад,
Готов принять его.

2007

Один взгляд, и одно слово

Один взгляд,
И одно слово,
Одиночество мучает
Снова.
Жду, надеюсь,
И жду, терзаюсь,
Но тобою живу
Всегда я.
В сердце болью,
Судьба-разлука.
Плачу, вою –
В ответ ни звука.

2008

* * *

Не программируйте пространства словом,
Оно не любит праздного словца.
И выполнить желание готово,
И шутника, и скряги, и глупца.
Не программируйте пространства словом,
Коли не мил душе его посыл.
И не давайте обещания пустого,
Чтобы Всевышний вас потом простил.

2008

Не супермен

Не супермен, сосед мой, Вова,

Он ростом мал, и телом тощий.
Но с дамами в соседней роще,
он - всем известный Казанова.
Его мадамы обожают,
И видно, что не просто так.
Пусть, он известный холостяк,
Но своё дело, чётко знает.
Все мужики, конечно злятся,
Считают Вову подлецом.
Ведь, дети на одно лицо
На нашей улице плодятся.
И, накурившись анаши,
Мы, широко расправив плечи,
Грозимся Вову покалечить,
И обрезанье совершить.
И так без всяческих затей,
Оно наверно бы, случилось,
Но как нам бить, скажи на милость,
Всеобщего отца детей?..
Пусть он, конечно, и злодей,
Но, гад, имеет же он силы,
Чтоб наших ублажать, блин, дам,
Без всяких лишних, там, затей.
А дети, в сущности, пустяк.
Прикинь, коль мы б его убили -
Рождались бы одни дебилы.
Забьём-ка мы на то косяк,
И худо-бедно покайфуем.
Как говорится, от души.
А Вова крепким своим х..... хоп... поцелуем.
Пусть демографию решит...

2008

И этот день не кончится никак

Приходит день, и глючит интернет,
Начальник сволочит, жена грозит разводом,
В рулетке, блин, так счастья просто нет,
И мою тачку свистнули, уроды.

И этот день не кончится никак,
Мой близкий друг глаза свои отводит.
И торжествует мой заклятый враг,
А нервы, так беснуются на взводе.

Такая жизнь, такая селяви,
С шершеляфам не будет больше фарта.
Какой тут фарт, коль набекрень мозги,
И прёт сплошная невезуха в картах.
И этот день не кончится никак,
Мой близкий друг глаза свои отводит.
И торжествует мой заклятый враг,
А нервы, так беснуются на взводе.

Но кончится тот день, в конце концов,
И снова на коне я в город въеду.
И как всегда прощу всех мудрецов,
Чьи звёзды напорочили мне беды...

2008

Рыжеволосая зараза

У неё семь пятниц на неделе,
И без меры к шмоткам аппетит,
Но она стервозная в постели,
Подтверждая сексапильный вид.

Как пламя рыжая зараза
Душу мою в клочья рвёт.
Стервозный взгляд чарует сразу,
Но... в сердце у неё лишь лёд.

Проще нет, чем к ней попасться в сети,
Обольщенье у неё в крови.
Но с этого вам ничего не светит,
Не найдёте там своей любви...

Сладостным речам её внимаем,
Как на эшафот за ней бредём,
Но с чувствами она легко играет,
Сжигает нас она своим огнём.

Как пламя рыжая зараза

Душу мою в клочья рвёт.
Стервозный взгляд чарует сразу,
Но... в сердце у неё лишь лёд.

2008

Я курильщик со стажем

В общем, так, значит, скажем,
Я курильщик со стажем.
Прокурил, знаю, целый свой дом.
От меня за версту - табаком.
Знаю, скоро придёт мне каюк.
Так сказал по секрету мне друг.
Потому и пришёл к докторам,
Чтоб продлить, значит, путь к небесам.
«Ты смотри, - сказал, доктор, - на нос».
И отправил меня, знач, в гипноз.
А когда я вернулся опять,
То табак не хотел даже знать.
Но прошла и другая наводка,
В горло мне не идёт даже водка.
Только эта беда - не беда,
Вот с любовью - совсем ерунда.
Где же мой сексуальный запал? –
В один миг сразу всё потерял.

2008

* * *

О, моя ласковая, о, моя несмелая!
Возьмём с тобой сберкассу мы,
И быстро ноги сделаем.
Куплю тебе коллекцию
Шматья, значит, Юдашкина.
Потом махнём мы в Грецию
На виноград с фисташками.
А чо, имею право я,
А чо-там, мелочиться.
Махнём потом в Моравию -
На водах подлечиться.

А ты, моя красавица,
А ты, моя налётчица,
Признайся, чо те нравится,
Признайся, чо те хочется?
Ну, врать тебе не буду я,
Коль нас возьмёт милиция -
Жизня на зоне лютая,
И там подправят лица нам.

О, моя ласковая,
О моя несмелая!
И снова ты с коляскою?
Когда родить успела ты?

2008

* * *

- Ну, Вань, признайся мне, как на духу.
Скажи, чьи волосы на твой пинжак попали?
Я больше так, ей-Богу, не могу,
Волосья те от Галки, иль Натальи.
Я им те космы мигом растреплю,
Чтоб к мужикам чужим не прислонялись.
Ну, пьянь, как я ещё с тобою сплю
После того, как морды им слюнявишь.
Ты гад, признайся, всё равно добыюсь
Я от тебя чистосердечного признанья.
Смотри, не выдержу, сама напьюсь,
И буду приставать к другим я, Ваня.

- Ты Манька это брось, не шантажуй.
Бывает, пью. Порой, не в меру, каюсь.
А за волосьями ничьими не слежу,
И с бабами, вот крест святой, не знаюсь.
Так кто, скажи, в селе у нас не пьёт?
Вон, твой папашка лопаает, как лошадь.
И к бабам, как кобель он пристаёт,
Не к нашенским, а с городу, поплоче.

- Ты, Вань, отца мово, прошу, не тронь,
По пьяной морде мигом ты схлопочешь.

Он хоть и пьянь, но держится, как конь,
А ты штаны свои всегда по пьяне мочишь.

2008

Выхожу один я на дорогу

Выхожу один я на дорогу,
Так случилось, кончился бензин.
Ну, опять не рассчитал немного,
Обо мне не беспокойся, Зин.
Ночка тёмная, но звёзды всё-же светят,
Нет, не заблужусь, как прошлый раз,
И бандиты, Зин, меня не встретят.
Ну, чего ты, Зина, завелась?
Весело шагаем по дорожке...
Слушай, Зин, ну ты опять даёшь,
Мы шагаем: я и мои ножки,
Кто болтает? Это, Зина, дождь.
Да, конечно, я опять промокну,
Что поделать, нету, Зин, зонта.
Что я сделаю? Быстрее, блин, подохну?
Тьфу ты, Зина! Проживу я лет до ста.
А вообще, ты тоже, Зин, подарок.
Ты профессор, лясы поточить.
А когда я задержался в баре,
Ты мне целый вечер не давала жить.
Что ты мелешь, я не нализался.
Пива выпил, ну, совсем чуть-чуть,
Ты не клевети, не обосс...
Не успел за угол завернуть.
Зина, нет, один я на дороге.
Это дождик, слышишь, кап и кап.
А топ-топ, так это ж мои ноги,
Никаких со мною нету баб.
Ты смотри, Зинуля, блин, дождёсса,
Как на мужа наводить поклёп.
Я возьму, и заночую в роще...
Зин, ну чё ты, кто мне даст здесь в лоб?
Тут дорога, Зин, совсем пустая,

Тьма такая, знаешь, глаз коли.
Кто закашлялся? Ну, это я не знаю,
Я не слышал, ч-чёрт тебя бери.
Что ей передать? Ты чё, Зинуля,
Стыдно это даже повторять.
Не проси, ей-богу, не могу я,
Свой язык, Зинуля, засорять.

2008

Мужик, давай сюда...

Мужик, давай сюда, ты будешь третьим,
Махнём, и посвистим о том и этом.
И на Медведева, как водится, наедем,
Пройдёмся и по Первой нашей Леди.
Ну, в смысле том, пойдёт, или не очень,
Ведь Первых не так много, между прочим.
О НАТО разговор коротким будет,
Его возьмём мы на хрен, и осудим.
Потом за Путина махнём стопарик,
Из наших он, мужик, и не очкарик.
Короче, без обиды! Миша! Ваня!
А ты, небось, Семён, значит, Абрамыч?
Ну, вот, и о твоих, знач, погутаим.
Ну, брат, не повезло, что не татарин.
Не думай, что мы тут антисемиты,
Народ твой, Сёма, скажем, башковитый,
Но только почему, скажи нам, Сёма, -
Начальники вы все, и управдомы.
Ну... музыканты, также, и поэты,
Но вот среди брата нашего вас нету.
Учёные? Да, блин, не буду спорить,
Учёных среди вас, и правда, море.
Но вот скажи мне Сёма, друг сердечный,
Где прячется тот Жид, ну, знаешь, Вечный?
Мы слышали, что он всем заправляет,
Пока Господь наш дурака валяет.
Ну, знаешь, зуб за зуб, и так, и дале?

И Гитлер от него, и даже Сталин.
Да ты не бзди, махни Семён по малой,
Мы всё-таки с Иваном не вандалы.
Ты по душам тут с нами побалакай,
И, может, не закончится всё дракой.

2008

Аврал

Аврал в соседнем магазине –
Украли сыр у тёти Зины.
И шьют то дело все Петру.
Ведь он с похмелья поутру.
А Пётр тот сыр не воровал,
Он обрыгал весь сеновал,
И сыр тот в это время суток
Насильно б не пошёл в желудок.
Но только Вася-участковый,
Того не знал, в селе он новый.
Петра схватил за воротник,
И был обрыган в тот-же миг.
При виде алиби такого
Отстал от Пети участковый.
Прошёлся грозно по селу,
Но не нашёл в стогу иглу.
И как найти, коль в том селе,
Тот сыр на каждом, блин, столе.
Решил позвать он сгоряча,
Себе на помощь стукача.
Стукач стучит на всех подряд,
И здесь помочь он был бы рад,
Но, в этом случае не знал,
Кто сыр у тёти Зины крал.
Мычат насмешливо коровы –
Тупой наш Вася-участковый.
Неужто трудно догадаться,
Кто в магазин сумел пробраться?
Мычат коровы удивлённо –
Ведь сыр тот свистнула...

Мычат коровы удивлённо –
Ведь сыр тот свистнула ворона.

2008

Здоровье у меня на зависть всем соседям...

Здоровье у меня на зависть всем соседям,
Я лошадь на скаку могу остановить,
Но вот такая вышла, блин, комедия,
Врач мне сказал, чтоб бросил я курить.
А если я в игнор поставлю сей совет,
То проживу всего лишь две недели.
И что с того, что выгляжу я, как атлет,
Внутри я, как труха, на самом деле.

Ну, я понятно, сразу обалдел.
Кому охота на погост ложиться?
К знахарке нашей, Дарье, полетел,
Чтобы серьёзно, значит, подлечиться.
Ну, Дарья, знамо дело, знает толк,
В лечении болезней самых разных.
Мне книжку Кастанеды сразу в бок,
Ищи, мол, места своего, зараза.
Ну, это, присказка такая у неё,
«Зараза», «ясный пень», и короб мата.
Но, врать не буду, это ё-маё,
Она умеет, как из автомата.
Ну, Кастанеду мигом пролистал,
И ничего я в книжке той не понял.
Но честно своё место поискал.
Нашёл то место у доярки Тони.

Супружница ту книжку порвала,
К доярке Тоне вдруг приревновала,
И бабником меня обозвала,
А Дарью, так и вовсе, коновалом.
Что было дальше, слова не скажу,
Не буду выносить из дома грязи.
К врачу на процедуры я хожу,
А врач от этого в большом экстазе.

Но всё не кайф тянуть kota за хвост,
Не думал я, что врач такой подонок.
Признаться, этот редкий, блин, прохвост,
Развёл меня на тысячу зелёных.
Придумал же диагноз мне, тот вор,
Ну, на халяву, шутки ради, вроде.
Как выяснил позднее прокурор,
Врачом он стал в подземном переходе.

2008

О, если б женщиной я стал!

О, если б женщиной я стал! –
Тогда бы точно я пропал.
Чуть свет, не выспавшись путём,
Художества творить с лицом,
Придётся всем врагам назло.
Чтоб зеркальце не соврало,
Пусть только скажет, что милее,
Не я, а кто-то с бакалеи,
Или с соседнего двора,
Я ж его... спрячу до утра,
Осколок мерзкий от кристалла,
Чтоб настроенье не упало.
Потом переберу наряды,
Чтоб телеса манили взгляды.
Так, чтобы zenки у подруг
Изобразили вдруг испуг.
Ведь я пройду бедром виляя,
Пусть знают - я одна такая!
Постой... А как насчёт мужчин?
Какой я, всё-таки, кретин.
Ведь если женщиной я стану,
Придётся стать мне лесбияной.
Ведь мне без женщин, как без рук,
Без них настанет мне каюк.
Ну нет, не буду дураком,
Останусь лучше мужиком.

Тьфу, если б женщиной я стал,
Тогда бы точно я пропал!

2008

Я жизнь красивую не в магазине спёр

Я жизнь красивую не в магазине спёр,
Я заработал этими руками.
Ведь я не лох какой, а знатный вор,
Известный всей Одесе нашей маме.
По Дерibasовской пройду я без понтов,
Бабульки взгляды косят с недоверьем.
Но с ними обойдусь я без кантов,
На что мне мелочёвка в самом деле?
Клиент мой только тот, кто бестолков,
И с полным кошельком, к тому ж, кредиток,
Его я подтолкну, и был таков.
А мой клиент – обобранный до ниток.
Одеса-мама, Ришелье, Привоз,
Дворы родные сердцу, будто соты.
С облавой мусора, да, не вопрос,
Я на Садовой растворюсь в два счёта.

2008

Гамлет в кратком изложении

Пить или не пить,
Вопрос стоит ребром.
Но после трёх стаканов,
Исходим мы дерьмом:
Бить или не бить!
И вовсе не вопрос,
Что говорит в нас злость.
Она уйдёт потом,
Уйдёт с шестым стаканом.
И вот тогда до слёз,
Проймёт нас тот вопрос –
Вопрос: Быть иль не быть,
И можно ли забыть,
Отца, чей дух тебя

К отмищению взывает?

2008

* * *

Мы живём все по дивным законам,
И виною всему электроны.
Если б волны они не творили,
Мы, возможно, иначе бы жили.
А теперь, всех нас дураят подряд.
- Относительно всё, - говорят.
Относительны цены, и даже наш быт,
Относительно то, что твой друг был убит.
Ты живёшь, слава Богу, дыши, не тужи,
Относительно всё, ведь живут же бомжи.
Не тужи, даже если дырявый карман,
Ты беднеешь, мой друг, богатеет Роман.
Ну а в среднем смотреть, то у вас всё путём.
«Челси», яхты, и даже весь в мраморе дом.
Твоё тело в дерьме? - Относителен мир.
Ты сегодня в тюрьме, завтра – сам командир.

2008

Мотылёк

Мотылёк заблудившийся бьётся в окно,
На стекло бесшабашно бросается.
Его манит огонь, и быть может оно
Над потерянным странником сжалится?
Мотылёк не сдаётся в порыве своём,
Он пробиться к огню всё старается.
Но старания эти стеклу ни по чём,
О стекло его пыл разбивается.
Мотылёк, обессилов, приткнулся к стене,
На чём свет то стекло матюгает.
А ведь мог, бедолага, сгореть он в огне,
Только этого, бедный, не знает.

2008

* * *

Несовершенен мир –
Воюют Свет и Тьма,
И бьются на мечях
Проклятия с молитвой.
И гибнут в битве сей
Те, кто с огнём в очах,
И я своих друзей
Теряю в этой битве.
Придёт и мой черёд,
Я обнимусь с землёй,
Но дух мой устоит
Пред вражеским напором.
Пусть буду я убит,
Но не нарушу строй,
И с поля многих битв
Уйду, но не с позором.

2008

Умирать погоди

Первый раз я родился
На свой день рождения.
Второй раз пробудился
От раны в груди,
Когда пуля коснулась
Меня на мгновенье,
Но мой ангел сказал:
- Умирать погоди.

Третий раз я вернулся
Отвергнутый адом,
Когда, преданный другом,
Попал под кинжал.
Он стоял, и смотрел,
Как сражённый я падал.
Пыль стряхнул с пиджака,
Когда я умирал.

Мы рождаемся, чтоб
Умирать, и рождаться,
Ходим, Богом хранимые
В трудные дни.
Мы приходим на свет,
Чтоб любить, и сражаться,
И хранить в своём сердце
Милосердья огни.

2008

Всё, ухожу...

Всё, ухожу... От пересудов, клеветы
Отгорожусь высоким я забором.
И пусть разрушатся к душе моей мосты,
Но не хочу быть яблоком раздора.

Всё, ухожу... исчезну с ваших глаз,
Чтоб не дразнить своим стремленьем к свету.
Самолюбуйтесь пустотой высоких фраз,
В которых света солнечного нету.

Всё, ухожу... зачем мне этот мир,
В котором тьма свой суд вершит надменно.
Пусть без меня начнётся этот пир,
В котором слопают вас гонор непременно.

2008

* * *

Добро никогда не просит: «Сделай меня!»
Добро никогда не кричит: «Я - добро!»
И Свет не попросит: «Дай мне огня!»
И Бог не попросит даров.
Чтобы верить, не нужно узреть чудеса,
Для пророчества вовсе не нужно очков.
Чтобы слышать, совсем не нужны голоса,
Для неволи по жизни не нужно оков.
Если ж свят ты, не надо кричать на весь мир,
Что ты стал просветлённым, святым.

Для того, чтоб коснуться Божественных врат,
Нужно просто избавиться от суеты.

2008

Мистерия любви

Гитарный перебор в вечерней тишине...
Негромких голосов размытый шелест.
Два силуэта еле видимых в окне,
И мне взлететь над миром захотелось.
Два силуэта еле видимых в окне,
И мне взлететь над миром захотелось.

В такую ночь нельзя телесным быть,
И к озаренью нужно быть готовым.
О распрях и невзгодах позабыть,
И душу не тревожить словом.
О распрях и невзгодах позабыть
И душу не тревожить словом.

Пусть снова музыка в сердцах звучит,
Гитарные аккорды строятся,
Пусть в той чарующей ночи
Мистерия любви откроется.
Пусть в той чарующей ночи
Мистерия любви откроется.

Гитарный перебор в вечерней тишине...
И двух сердец мистерия в окне...

2008

Что за невидаль, Ангел?..

Что за невидаль, Ангел,
Чёрный ли, белый, цветной ли?
Неважно, в каком он ранге,
Главное, что с любовью.

И шелестом крыл убаюканы,
Спасаемы и вдохновляемы,
Живём, восторгаемся, любим, и,
Во сне над Землёй витаем мы.

Живём не всегда мы праведно,
В потёмках плутаем порою,
Но ангелы кружат стаями,
Не зная ни сна ни покоя.

И шелестом крыл убаюканы,
Спасаемы и вдохновляемы,
Живём, восторгаемся, любим, и,
Во сне над Землёй витаем мы.

И пусть иногда поруганы,
Хранят нас неосяземо,
Бесплотными рея духами,
Крыльями осеняют нас.

И шелестом крыл убаюканы,
Спасаемы и вдохновляемы,
Живём, восторгаемся, любим, и,
Во сне над Землёй витаем мы.

Что за невидаль, Ангел,
Чёрный ли, белый, цветной ли?
Неважно в каком он ранге,
Главное, что с любовью.

2008

Высокий суд!

Высокий суд! Прошу меня простить,
Что не сумел я уберечь любовь.
Она меня терзает вновь и вновь,
Но не могу её я возвратить.

Высокий суд! Наполни разум мой
Терпением безмерным до краёв.
И пусть оно распнёт меня без слов,
И выставит распяленным на зной.

Высокий суд! Я кару заслужил.
Не потому, что нёс часами бред,
Иль нарушал какой-нибудь завет,
А потому что потерял любовь, и жил.

2008

* * *

Снова я шагаю в пустоту,
И лечу навстречу неизвестности.
Миг, и взвоют хохотом окрестности,
Но... сегодня я не упаду.
Да, сегодня в кровь сорву ладони я,
Но схвачусь за лезвия перилл.
Боже! Дай мне удержаться сил.
Говорю совсем не для иронии.
Хоть всё это вижу я во сне,
Сон тот вырван из былой реальности,
Где судьба грозила мне летальностью.
Выжил я. И снова на коне.

2008

* * *

Сибирь. Тайга и тундра. Суровый край.
Нефть, золото и газ. Живи не умирай.
Но также Оймякон, Анадырь, Колыма,
И до костей промёрзшая зима.
Скрипя зубами из последних жил,
Здесь кто-то жизнь паскудную прожил.
Старался, матерел, крепился,
Но, не сдержавшись, всё-же спился.
Я знаю, здесь не каждого сломило,
Кому-то даже очень подфартило.
Но для меня здесь вечно плачет вьюга,
Отсюда небеса забрали друга.
Сибирь - могучая, трагичная страна.
Здесь позабытые погосты, имена.
Немой укор от ненавистных зон,
И колокольный упокойный звон.

2008

Реквием любви

Звонят в тоске колокола,
Иконы пламенем объаты.

Ты в одиночество ушла,
Когда я песни пел закату.
Ты в одиночестве своём,
Как я, потерянный в тумане.
И знает опустевший дом,
Что свет любви уже не с нами.
Мой чёлн в безветрие плыви,
Мне танец чувств уже не нужен.
Исполнен реквием любви,
И на кресте распяты души.
Пусть скрытый сеткою дождя,
Кудрявый клён беззвучно плачет.
И, в одиночество уйдя,
Погасишь пыл сердец горячих.

2008

* * *

Бывает, боль заставляет скрипеть зубами.
Только знаю, что это не навсегда.
И шепчу я прокушенными губами:
- Всё, пройдёт, дорогая... Ерунда!
Я ночами кричу, просыпаясь от боли,
И приходится зубы в подушку вбивать.
Знаю точно, нельзя в этот миг мне позволить
Над собою от боли контроль потерять.
И гораздо противнее боли той память.
От неё не укроешься в плед с головой.
Мы любовь задушили своими руками.
С толку сбитые подлой людскою молвой.

2008

* * *

Игнорируешь меня, дорогая?
Что ж, не буду я брызгать слюной.
Пусть разлука меня напрягает,
Я вальяжно пройду стороной.
Примируюсь с непомерной потерей,
Своё сердце разбив на куски,

Душу ангелу смерти доверю,
И умру без тебя от тоски.
Скажешь, в чём же моё примиренье?
Все мои откровенья просты –
Нами вертит само Провиденье,
Остальное всё - только мечты.

2008

* * *

Играет жизнь на нервах у меня.
И без этого ни ночи нет, ни дня.
Бьёт жизнь меня по голове ключом,
Но радуюсь, что бьёт не кирпичом.
Хотя, не вижу разницы большой,
Коль мне ходить с разбитой головой.

Да, жизнь - ещё какой игрок!
Она нам предлагает сто дорог.
И половина - просто в никуда,
Ну, а другая, - та ещё беда.
Так что подумайте, возможно, выход в том,
Идти по бездорожью, под дождём.

2008

Мир безлик

Мир безлик,
Я – всего лишь, его пленник.
Только миг,
Буду здесь я одно мгновенье.
Но - мгновенье любви,
Но - мгновение веры,
И, конечно, увы,
Надежды без меры.
Без надежды нельзя,
Без надежды – собьёшься,
А без веры-любви
Ошибёшься.

Поутру я приду к тебе,
И душою прильну к изголовью.
И в твоей непокорной судьбе
Буду верой твоей, и любовью.
Прозвеневшей струной в тиши,
Я скользну по лицу слезою.
Буду светом твоей души,
И тебе мир любви открою.

Мир безлик,
Люди в нём без любви, как тени.
Словно вскрик,
Озарит мир любви мгновенье.
Но - мгновенье любви,
Но - мгновение веры,
И, конечно, увы,
Надежды без меры.
Без надежды нельзя,
Без надежды – собьёшься,
А без веры-любви
Ошибёшься.

Поутру я приду к тебе,
И душою прильну к изголовью.
И в твоей непокорной судьбе
Буду верой твоей, и любовью.
Прозвеневшей струной в тиши,
Я скользну по лицу слезою.
Буду светом твоей души,
И тебе мир любви открою.

2012

Велогонка

Мчусь на велике я по шоссе,
Пелетон стреляет мне вдогонку.
Кто-то вдруг «повис» на колесе,
И теснит меня чуть-чуть в сторонку.
А я и так и эдак, не сдаюсь,
Только сил уже не остаётся.
И на плечи навалился груз,

Мой соперник весело смеётся.
О победах он и не мечтал,
Выполнял другую установку.
Он меня сегодня удержал,
Проявив изрядную сноровку.
А его партнёр рванул вперёд,
И ему удача улыбнётся.
Если только он наоборот,
Сам на трассе вдруг не навернётся.

2012

Мячик

Мячик по полю гоняют
Двадцать два здоровых лба.
То по центру, то по краю,
Мчит за мячиком гурьба.
Кто-то взял вдруг, и слукавил,
И свалился, как мешок.
И за нарушение правил
Засвистел судья в свисток.
А болельщики не рады,
Всколыхнулись, загудели.
Всю судейскую бригаду
Вдруг на мыло захотели.
По мячу игрок бьёт смачно,
Кто-то подправляет слёта.
Но всё кончилось удачно,
Мячик не попал в ворота.
И опять, как между прочим,
Парни бегают по полю.
Ну, а мы себе морочим,
Головы, блин, тем футболом.

2012

Онлайн

В этом призрачном мире,
Где обман – не обман,
Мы с тобой закрутили

Виртуальный роман.
Разум мой помутило,
И теперь, так и знай,
Я люблю тебя, милая ...
Онлайн.

Как дурак я признался в любви невзначай,
Но дала от меня ты в оффлайн стрекача.
Дни сижу напролёт я, по клавише стуча,
А в ответ тишина – отвеча-ча-ча-чай!

Просто так. Пустота.
Спит в оффлайне твой ник.
Перестал обновляться
Электронный дневник.
Мэйлер-дэймон ворчит,
Что закрыт твой е-майл.
Твой профиль укрылся –
В Оффлайн...

Сверлит монитор
Недоверчивый взгляд.
Аська безмолвна,
Молчит и приват.
Затих и болтливый
Некогда Скайп.
Куда ж ты пропала –
В Оффлайн?
Наа Нана Най. На Нана Най.
Наа Нана На На... Онлайн.

Костяшками пальцев
По клавише стучу,
Со скрытой надеждой
Посланья строчу.
Но всё без ответа,
Родная, прощай!
Ушла от меня ты
В Оффлайн...
Наа Нана Най. На Нана Най.

Наа Нана На Нана Най
Наа Нана Най. На Нана Най.
Наа Нана На На... Онлайн.

2012

* * *

Случилось...
Миг...
И не стало тайны...
Остался осадок.
Но, Боже... как сладок
Был этот миг,
В котором
Мы были
Едины!
Был этот миг
И минул.
И никогда
Не вернётся.
Не ропщу,
Не плачу...
Одиночество!

2015

Я поднимаю паруса...

Я поднимаю паруса,
Чтоб плыть, куда глядят глаза.
И, что мне ветер, что мне шторм,
Девятый вал мне нипочём.
И если трюм зальёт вода,
Меня спасёт моя звезда.
Меня спасёт моя звезда.

Не избалован я судьбой,
Но не сдаюсь, и рвусь я в бой.
Махнув рукой, развею мрак,
И пусть дрожит заклятый враг.
А если в сердце – острый нож,

Меня так просто не возьмишь.
Меня так просто не возьмишь.

Я подниму бокал
За тех, кто не допел,
За тех, кто подустал,
Кто выжить не успел.
За тех ещё спою,
Кто сломлен, и поник,
За тех, кого в бою
Сразил вдруг вражий штык...

Я поднимаю паруса,
Чтоб плыть душою в небеса.
Я над землёю воспарю,
Чтоб с ангелом встречать зарю.
И пусть закончится мой путь,
Но не сейчас – когда-нибудь.
Но не сейчас – когда-нибудь.

2016

* * *

Перед ней на коленях стою я,
Как перед иконой.
Сам с собою я бьюсь и воюю,
И бью ей поклоны.
С вождельем смотрю на неё,
Так и выпил её бы до дна.
Но стоит над душой, ё-моё,
Как заноза со скалкой жена.
Ни за что, ни про что, просто так,
Может врезать жена по затылку.
Просто зверь мне она, просто враг.
Не даёт опорожнить бутылку.

2017

* * *

Просыпаться в лугах мне нравится,
Утопать в копнах скошенных трав,

Ах, Россия, моя красавица,
По душе мне твой певчий нрав.
Велика ты душою праведной,
Широка ты своей добротой.
Пусть, поругана и ограблена,
Но прекрасна своей красотой.
Ты в душе моей будешь славиться,
Я горжусь тобой вновь и вновь,
Ах, Россия, моя красавица,
Безгранична к тебе любовь.

Владимир Филиппов

ИЗБРАННОЕ

Лучшие стихи

Размер 1,81 Мбт, 134 стр., 173 стихотворения

Пятое издание дополненное: 1836S9493TYA65HF-pdf

Parroslab Group © 2023

All Rights Reserved.